
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Александр Миронов
(пос. Товарково Калужской обл.)

НА КОМИССИИ

Печатался в сборнике калужских писателей, посвященном 55-летию ВОВ, в журналах: «Костер», «Ясная Поляна», «Крестьянка», «Работница», «Роман-журнал XXI век», «Пограничник», «Воин России» (проза, стихи), «Молодая гвардия», «Аврора», «Клуб» (стихи); в альманахе «ЛитРос»; в газетах: «Литературная Россия», «Сударушка», «Русская земля» (Москва), «Московский железнодорожник»; в сборниках лауреатов лит. конкурса им. В. М. Шукшина «Светлые души» (1999 и 2007 гг.). Награжден дипломом литературного форума «Ковдория». Лауреат «Литературной Вена 2010» (стихи). Лауреат Конкурса журнала «Чайка» (США) (проза). Вышла в свет книга детских рассказов «Увеличительное стеклышко» (изд-во «Золотая Аллея» г. Калуга. Автор журнала «Приокские зори».

В коридоре перед залом заседания сельсовета на стульях сидят трое. Две старухи и старик.

Старухи в поношенных плюшевых курточках, в длинных юбках, на ногах у одной — вельветовые полуботинки, у другой — суконные ботинки. Обе в выцветших старых платках, повязанных домиком.

Старик большой, сидит прямо, ладони скрестив на суковатой палке. Он в резиновых сапогах, в серых штанах, на колене — четырехугольная заплатка. На старом военном кителе, по случаю прихода к властям, висят медали: «За отвагу» и две юбилейные. Старик хмур, задумчив и безучастен.

Старухи негромко о чем-то переговариваются.

Скрипит дверь зала заседания, и на пороге появляется мужчина лет сорока.

— Ффонцева, заходи! — говорит он хрипловатым баском.

Старуха в ботиках встает, одергивает куртку, поправляет платочек на голове и, бросив прощальный взгляд на собеседницу, семенящим шагком проходит в зал. Мужчина прикрыл за ней дверь.

Председатель, молодой человек лет двадцати семи, в костюме, при галстукe, в белой сорочке, сидит за большим столом, покрытым зеленым ситцем. Он строг, старается держаться официально, перед ним бумаги и ручка. Рядом с ним женщина, примерно его возраста, и тоже строго одета.

— Ффонцева Татьяна Яковлевна? — спрашивает председательствующий.

— Нешто, Алеша, ты меня не признал? — удивляется, остановившись у порога, посетительница. Худенькое, потемневшее от старости лицо ее кривится в смущении.

— Хм,— произносит в замешательстве Алеша.— Давай, баба Таня, так договоримся. Мы сейчас с тобой как на суде. Мы судим тебя за самогонование. Поэтому мы будем судьями, а ты подсудимой. Поняла?

Баба Таня согласно кивает головой, серые концы платка, как козлиная борода, мелко трясутся под подбородком.

— Вот и хорошо. А теперь подойди сюда, на середину,— председательствующий указал рукой перед столом.

Старуха повинуется.

К Алеше с правой стороны подсел мужчина, который приглашал самогонщицу в зал. Он одет легко, по-летнему, в светлую рубашу с расстегнутым воротником. Держит себя степенно, важно.

— Итак, начнем заседание,— сказал председательствующий. Члены комиссии согласно кивают головами.

— Татьяна Яковлевна, вы, конечно, поняли, зачем мы вас вызвали?

— Дык, это, зачем?..

Алеша удивленно дернул головой и усмехнулся.

— Ты что, баба Таня, не поняла? Я же сказал, что мы будем вас сейчас судить за самогонование. С самогонкой тебя, то есть вас, застукали? Застукали. Пять литров изъяли? Изъяли.

Старуха согласно трясет «бородой».

— Отняли, Алеша, отняли... Всю зиму скапливала.

Члены комиссии оживились. Блондинка, сидевшая с левой стороны от председателя, записала ответ «подсудимой».

— Ты... Вы...

Никак Алеша не может настроиться на официальный тон. Смущенно кохыкнул в кулак и начал по-простому:

— Ты, баба Таня, слыхала о законе по борьбе с самогонованием? Слыхала, я тебя спрашиваю?

Молчание. Старушка тужится что-то припомнить или сформулировать ответ полвечее, но не может. Руки ей мешают, она их прячет то за спину, то сцепливает пальцы впереди себя. Наконец руки поймали уголки платка и успокоились.

— Ты что, баба Таня, с луны свалилась? Он уж второй год как в силу вошел, а ты будто бы и не знаешь. Знаешь, что есть такой закон?

— Верно, касатик, кажись, был. Про строгости слыхивала...

— Ну вот, закон знаешь, слыхала, а почему нарушаешь?

— Чего?..

— Указ, говорю, почему нарушаешь?

Старуха переминается с ноги на ногу.

— Дэк это... нужда, Алешенька.

— Какая еще нужда? По нужде самогон гонишь?

— Эдак, эдак,— поспешно соглашается старушка.— Водка-то, эвон какая стала дорогушая. Где ж ее напасешься?

— А ты что, гулянки часто устраиваешь?

Алеша обводит смеющимися глазами своих коллег. Те снисходительно улыбаются.

— Дык кажную весну и осень. Веселюсь, а то и плачу. Жисть-то вишь какая веселая,— баба Таня кончиком платка смахнула слезу.— Ты, Алеша, рази сам не понимаешь? Нужда, я говорю, будь она неладна... Кто ж без еного дела что делать будет мне? Э-э... — махнула рукой.

— Ну, можно и за деньги.

— Конечно, можно. Почему нельзя? И за деньги можно. Так не хотят. Кто сейчас за деньги работает? Деньги мало кто берет. Им, говорят, подавай сейчас жидкую валюту. Да оно маленько подешевше с самогоночкой... Этот раз Проша вспахал огород, выпил баночку, а от денег отказался. Разве мне плохо?... Спасибо тебе, Прохор Игнатич! Хороший ты человек. И пашешь ладно.

Старушка кланяется мужчине, сидящему с правой стороны от Алеши.

— Ты, бабка, того, этого... не сваливай тут на личности,— ворчит Прохор Игнатьевич, нахмутив густые выгоревшие на солнце белесые брови.

— Дык я что, касатик,— забеспокоилась бабка.— Я ж не со злом. Я ж тебя хвалю. Ты сердобольный, Проша. И пьешь мало, и денег не берешь. Другие...

— Ты зачем сюда пришла, бабка? — повысил голос «касатик», краснея.

— Дык это... вызывали. За самогонку, поди...

Старушка пригнула испуганно голову и заводила уголком платка по лицу, казалось, еще немного, и она заплачет.

— Вот и отвечай. Следующий раз будешь знать, кого угощать,— ворчит Прохор.

— Дык это старый Михай, паразит,— всхлипнула она без слез.— Пить пьет, а как помочь чево попросишь, не может. Не дала ему похмелиться... Да и то человек не по злобе сболтанул. Во хмелю был. Он сам здесь,— кивает на двери.— Пришел каяться. И старуха Настася с ним. Ох, и шибко она его ругала. Ох, и ругала... Обещает своей самогонкой вернуть мне за туе, что у меня отняли...

Члены комиссии засмеялись. Старуха сконфуженно осеклась и подалась к столу.

— Тю! Че я трекаю? Вы не слушайте меня, старую дуру... Вы уж это,— вытянутой рукой показала на двери,— им ниче не говорите. Ладно?

— Ладно, ладно, бабка. Прикуси язык,— буркнул Прохор.

Блондинка наклонилась к председателю, и что-то негромко сказала ему. Тот одобрительно кивнул головой.

— Татьяна Яковлевна,— обратилась она к бабке.— Возьмите стул, присядьте.

— Вот спасибо, деточки,— обрадовалась старушка, засуетилась. Взяла стул у стены и поставила его на то место, где только что стояла. Села, облегченно вздохнула.— Ноги-т совсем, язви их, худы стали...

— Татьяна Яковлевна, вы о деле бы говорили. О том, о чем вас спрашивают. Лишнего не надо,— сказала женщина тоном учительницы младших классов.

На вид она была привлекательной, аккуратненькой, с розовыми губками, располагала к себе. Благодаря ее присутствию старушка чувствовала себя несколько приободреннее.

— И о Прохоре Игнатьевиче ничего говорить не надо. Мы его знаем. Он человек положительный,— добавила она.

— Этак, этак,— одобрительно кивает старуха.— Проша парень хороший, ничего не скажешь. Кабы все такими были, в совхозе жить легче было бы. Его только кликни, он завсегда. Доброй души человек и денег не берет...

— Слушай бабка, перестань меня дергать! — возмутился Проша, заерзав на стуле.— О деле давай.

— А я че? — стушевалась Татьяна Яковлевна и стала оправдываться.— И я о деле. Нешто я не понимаю?... И самогонку я че, для плохих людей делаю? И она у меня чистая, без табака. Не для себя, а для дела. Когда нужда припрет, чтоб способней было... Вон, в прошлый месяц, помнишь, Валерия Марковна, я к тебе приходила в правление? Насчет боровка, подложить его надо было...

— Помню, Татьяна Яковлевна,— кивнула женщина в ответ в некотором смущении.— Но поймите меня. Не могла я тогда дать вам ветеринара. Занят он был. Так вы уж не обессудьте.

— Да будет, будет,— отмахнулась старуха маленькой ручкой.— Бог с тобой. Я не в обиде. Я Костратыча и так потом сыскала. На ферме подкараулила. Тоже говорил, некогда. А когда сказала, что самогоночкой попотчую, пришел, уважил. Во-от...

«Во-от» сказала ласково, с таким значением, словно всякое к себе участие воспринимала как божескую милость.

— Это, значит, вы Антона Калистратовича пьяным напоили?

— Бог с тобой, касатушка. Он много не пьет. Он только два стаканчика выпил, когда кастрировать пошел. Да два после. И всего-то... А денег не взял. Да-а. А чтоб пьяным?.. Не-ет. Он не шатался. Он сам говорил, что ему некогда, все на ферму торопился.

— Понятно,— раздумчиво проговорила Валерия Марковна.

— Нет, ты не сумлевайся, касатушка. Он мужик хороший. К нему только подход нужен. А без еного дела какой подход? Он, как Проша...— сказала и осеклась под горящим от негодования взглядом Прохора, казалось, еще немного и он бабку отма-терит.

— Баба Таня, ты нам толком можешь объяснить, почему ты стала самогонщицей,— спрашивает председатель, скрывая усмешку.

— Ну-у, это, почитай, у нас сызмальства,— заулыбалась баба Таня, оголив ряд мелких зубов.— Я еще, помню, вот такусенькой была, своему деду ее делать пособляла. Я ему, помню, щепу ношу, а он в кастрюльке бражку парит...

— Баба Таня, ты нам об истории самогонварения не рассказывай. Мы и без твоей лекции кое-что смыслим в этом деле, ну и прочее... Ты конкретно, о себе. Почему ты взялась за производство этого зелья? Ведь ты закон нарушила.

— Дык, Алеша, касатик, куда ж я без нее? Она мне и огород пашет и дрова возит. А не будь у меня ее, хоть ложись да помирай...— всхлипнула.— Это когда я работала в совхозе, то совхоз мне мал-мальски помогал, жить можно было. А теперь все, я — отрезанный ломоть. Это ладно ты в энженерах ходишь, своей бабке бесплатно помогаешь. А мне кто? Одна как перст осталась! — У старухи заслезились глаза, голос задрожал.— Сама работать боле не могу. Пенсии 32 рубля 42 копейки. Попробуй, поживи...

— Ладно, баба Таня,— остановил Алеша старухины причитания,— нам все ясно.— Посмотрел на членов комиссии, те согласно кивнули головами.— Ты выйди сейчас в коридор, посиди там. А мы посоветуемся. Иди.

Старушка со вздохами поднялась и, вытирая концами платка глаза, засемила к двери, постукивая резиновой подошвой суконных ботиков.

Минуты через три-четыре самогонщицу вновь пригласили в зал заседаний.

За столом стояли Алеша и Валерия Марковна. Председательствующий, держа перед собой лист бумаги, судейским голосом зачитывал решение:

— Заслушав дело о нарушении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.05.85 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства, алкоголизма и самогонварения» товарищем Ффонцевой Т. Я., неработающая, пенсионерка, беспартийная, русская, два класса образования, комиссия по борьбе с пьянством и самогонварением постановляет...

Старуха замерла. Глаза расширились, губы заметно подрагивают. На лице страх и ожидание.

— ...За нарушение Указа гражданке Ффонцевой Т. Я. вынести общественный выговор.— Председатель положил на стол лист и добавил, не снижая официальной тональности в голосе: — Данное решение, если вы, Татьяна Яковлевна, с ним не согласны, можете обжаловать в нашем сельском совете.

— Ой! — радостно воскликнула старушка.— Что ты, что ты! Я согласная. Дай вам Бог всем здоровья...

Ее темное лицо осветилось счастливой улыбкой, и она, бедная, засуетилась вокруг стула, на котором до этого сидела, раскланиваясь на две стороны, то Алеше и Валерии Марковне, то Прохору, стоявшему за ней.

— Вот спасибо-то!.. Вот спасибо-о!.. А меня-то как напугали... Мне ж сказали, чтоб я готовила двести рублей. А я... А где б я их взяла?

— Татьяна Яковлевна,— остановила радостные причитания старухи Валерия Марковна, постучав казанками пальцев по столу.— Мы вас на первый случай решили пока предупредить, то есть объявить выговор.

— Вот хорошо-то...

— Но,— повысила она голос до строгости,— если вы еще раз попадетесь, мы вас оштрафуем. Поняли?

— А как же, че тут не понять?.. Штраф худо. Штраф совсем плохо. А выговор ничо, выговор можно... Не-ет. Больше я Михею и на понюх не дам. Паразит, натерпелась сколько...

— Иди, баба Таня, иди,— потянул ее за курточку Прохор.

— Ага, ага, пошла,— согласно затрясла та "бородой", подаваясь к двери.

Но, взявшись за дверную ручку, вдруг обернулась и, глядя на Алешу ласково, робко спросила:

— А это, самогоночку мне вернуть нельзя? Нет?..

— Ты что, бабка?! — удивленно воскликнул молодой человек и со стоном проговорил:

— Иди, иди ради Бога отсюда!

— Иду,— перекрестилась старушка.— Иду. Это я так... Жалко, вот и спросила... Эх-хе. Опять пять рублей тратить. Где дрожжи брать? Сахар куда-то подевался. Вот беда-то... — бормотала она, выходя из зала.— И што за жисть?..

Ольга Волгушева
(г. Москва)

Публикуется в «Приокских зорях» впервые. Прозаик, член Творческого клуба «Московский Парнас».

СТЕПЬ

В начале 60-х годов мне пришлось поехать в командировку в Москву. Я долго отказывалась, не хотела оставлять семью на полмесяца. А тут начальство было немолимо: езжай — и все!

Перелопатив кучу дел, села в алма-атинский поезд совершенно без сил и целый день проспала на верхней полке, переживая, как там дома без меня. Ездить на поездах я всегда любила. Спешить никуда уже не надо, смотри себе в окно, читай, наблюдай за жизнью, пользуйся возможностью отдохнуть.

Далеко за полночь вышла в пустой коридор. Пассажиры давно уgomонились, разместившись на своих местах, наше купе тоже сладко похрапывало.

Только что проехали загадочную станцию Тюра-Там, которая была воротами в город Ленинск. Значит, совсем близко космодром Байконур, о существовании которого мы уже знали.

Начинался самый утомительный отрезок пути. Почти сутки поезд тянется по унылой бескрайней степи, иногда подолгу петляя между невысокими холмами. Тогда можно видеть то хвост, то голову состава, раскачивающегося между снегозащитными заграждениями — единственными сооружениями в этих безлюдных местах. В окна врывается горячий пыльный ветер и стук колес, который звучит в этой сухой атмосфере по-особому. Порой начинаешь думать, что колеса стучат не по рельсам, а по частоколу этих бесконечных щитов, высушенных солнцем и ветром. Из-за того, что звуки и картина за окном не меняются в течение долгих часов, кажется, что едешь по кругу по одному и тому же месту: все та же желто-бурая земля и выжженная солнцем трава.

Больших станций нет. Лишь изредка промелькнет разъезд с двумя-тремя такими же бесцветными глиняными домиками, раздастся сигнал тепловоза и снова, сколько хватает взгляда, степь.

И так хочется увидеть одинокого всадника или верблюда, на худой конец какой-нибудь кустик или стоящего столбиком суслика, чтобы разнообразить эту безрадостную картину.

«Как хорошо, что проедем эти места ночью», — подумала я и, стоя у окна, посмотрела вдаль. Сначала мое внимание привлекла ярко-оранжевая полоса у самой линии горизонта. У меня захватило дух: полоса четко отделяла бурую, даже в этот

ночной час, землю от неба, которое, словно огромный купол, накрывало ровную бескрайнюю степь. Край купола у светящейся линии горизонта был светло-голубым, а все темно-синее пространство самого купола усеяно яркими звездами. Подумалось, будто это отблеск от огней стартовых площадок Байконура. Или предвестник восхода солнца? Феерическую картину дополняли десятки метеоритов, ежесекундно пронзающих небо во всех направлениях огненными стрелами.

Был август — время метеоритных дождей. Падающие звезды освещали степь и небо фосфоресцирующим светом так сильно, что на плавном изгибе показалось, что набравший скорость поезд мчится по степи куда-то вверх, и вот-вот оторвется от земли и взлетит в это бескрайнее небо, а может быть, и прямо в космос.

Машинист дал пронзительный гудок, заглушивший стук колес. Меня охватило странное чувство тревоги и тоски одновременно. Может быть, показалось, что поезд и впрямь умчит меня от детей, от дома навсегда, а не на десять дней командировки. Я жалела, что никто, кроме меня, не заметил завораживающую мистическую сцену, которая разыгралась ночью посреди огромной казахстанской степи.

Много раз потом доводилось проезжать эти места. Я хотела увидеть эту картину снова и с волнением подходила к вагонному окну. Но, увы, ночная степь была безмолвна и обыденна.

Круговерть разных дел закружила меня на долгие годы. Мы давно уехали из Чимкента в Россию...

Однажды я услышала по радио песню на казахском языке, пела Роза Рымбаева. В памяти вдруг отчетливо всплыла картина, увиденная много лет назад: огромная степь, ночное небо. Песня соединяла воедино простор этой древней земли и космоса. Я замерла и снова представила себя в поезде, несущемся к звездам.

ДУДАК

Во время строительства Чимкентского фосфорного завода мне довелось познакомиться с инженером Югансоном. К сожалению, не помню имени-отчества. Поехали с ним на обследование системы сброса сточных вод.

За окном привычная картина — долина реки Бадам, тополя вдоль Ленгерского шоссе, выжженная трава и едва видимая сквозь знойную дымку гряда Сайрамского хребта.

Разговорились. Оказалось, что он недавно приехал в наши края из Прибалтики, кажется, из Эстонии. Мой собеседник восторгался пейзажами. Я удивилась и спросила, что же его так взволновало? Ведь в Прибалтике море, сосны, леса — это гораздо интереснее. Югансон ответил, что в Прибалтике все причесано и ухожено так, что это уже не леса, а парки. А здесь природа уникальная, дикая, совсем не тронутая человеком, и очень разнообразная. Ему понравился наш зеленый город и окрестности.

«Я уже побывал на Сыр-Дарье, там так красиво и столько дичи!» — поделился своими впечатлениями Югансон. Оказалось, он был заядлым охотником. Мне приятно было услышать такие слова о нашем крае от приезжего человека.

А про себя усмехнулась: вот попробовал бы он поездить летом в горячем переполненном автобусе по пыльным дорогам, или зимой померзнуть на остановках, перестал бы так говорить.

Через некоторое время подумала: а ведь он прав! И вспомнила свое довоенное детство.

Тогда мои дяди были еще холостыми и жили вместе с нами. Вечерами часто собирались на кухне за большим столом, ужинали и рассказывали всякие истории. А мы — дети, пригревшись на русской печке, слушали их удивительные рассказы.

Все трое были охотниками и рыбаками. Ездили с друзьями по всей области и на Дарью, и в степь. В тугаях у реки водилось несметное количество разной дичи — утки, гуси, фазаны, дрофы, кабаны. Раненый кабан, как рассказывал дядя Петя, был очень опасен, ему на себе пришлось это испытать. Его спасло только направление ветра, дувшего от кабана — зверь не учуял охотника, затаившегося в зарослях.

Рассказов было много. Однажды огромный сом чуть не утащил компаньона на большую глубину. Тот пошел проверить сети, и, если бы товарищи не подоспели вовремя, запросто бы утонул — еле удержали. Мы слушали, затаив дыхание, даже со страхом — сомов-то они привозили очень крупных!

Да и сама видела, как по улицам ездили полуторки с откинутыми задними бортами, из которых свешивались хвосты сомов, а на базаре их, чтобы продать, топорами разрубали на куски.

У дяди Саши всегда были охотничьи собаки. Хорошо помню, когда наступал сезон охоты, дядюшки готовили снаряжение и надолго уезжали. Возвращались с уже выпотрошенными, присоленными сомами. Привозили уток, дудаков, фазанов. Мне, как старшей из детей, приходилось ощипывать птицу, и всегда было ее безумно жаль.

Всей семьей мы жарили, солили и коптили добычу, а потом лакомились дичью несколько дней. А уж если удавалось подстрелить сайгака, то мяса хватало надолго. Ухой и большими кусками жареной рыбы наедались досыта. Бабушка тушила куропаток в большом казане с помидорами и овощами. Все это запомнилось, потому что охота и рыбалка помогали прокормить большую семью.

В голодные послевоенные годы охота очень выручала и семью дяди Саши. Кабанчики и кеклики (куропатки) были основным мясным блюдом и угощением для гостей. Правда, кажется, охоту на дроф, фазанов и сайгаков после войны запретили — не помню, чтобы дядя Саша их привозил.

Был и такой случай. Однажды парень из их компании подстрелил самку сайгака. Дядя Саша буквально со слезами рассказывал, как детеныш ходил вокруг мертвой матери. Увидев это, он бросил в сердцах ружье на землю, выругался матом (чего никогда не делал) на этого живодера. Охота была испорчена, пришлось вернуться в город. Парня из своей команды он прогнал, но потом долгое время не мог охотиться.

Дядя Ваня великолепно коптил на самодельной коптильне жирных лещей и всегда передавал гостинец московским родственникам.

Ходят слухи, что теперь арабские шейхи приезжают в наши степи и за большие деньги участвуют в «царской охоте» на дроф.

Когда я работала главврачом Южно-Казахстанской краевой санэпидстанции, много поездила по этим местам. Наконец своими глазами увидела и степи, и пустыню, и горы, и Сыр-Дарью, и Аральское море. На машине исколесила всю Кызыл-Ординскую область — надо было обследовать водоснабжение, канализацию, благоустройство, городов и сел. Побывала в Казалинске на рыбоперерабатывающем заводе — здесь запахом свежеекопченной рыбы наполнен воздух всей округи.

Из Казалинска путь лежал в Аральск на полуторке. Гладкая, твердая, как асфальт, грунтовая дорога петляла вдоль берега Сыр-Дарьи.

Вдруг из зарослей саксаула и камыша появилась серенькая птица, похожая на изящную курочку с длинным продолговатым хвостиком.

— Самочку фазана потревожили, — сказал водитель.

Тут же показался самец — красавец-фазан, с роскошным, как у павлина, хвостом и разноцветным, ярким оперением, резко отличавшимся от желтовато-серых красок местности.

Только успели обсудить красивую птицу, как стало совсем темно. Будто кто-то накрыл нас одеялом. Потом раздался шум, и через открытое окно обдало волной горячего воздуха.

В переднее стекло увидела, как огромная тень наползает на капот и дорогу. Низко в небе появляется что-то большое и непонятное. Водитель спокойно так, поясняет:

— Дудак. С гнезда спугнули.

Тут вижу — это огромная тяжелая птица с размахом крыльев больше метра. Успеваю разглядеть маленькую головку на вытянутой шее, грудку, покрытую мягкими желтыми перышками, и ножки, плотно прижатые к длинному брюшку.

Вдруг, фельдшер, сопровождавший меня в поездке, выхватил из-за спинки моего сидения двустволку и выставил в открытое окно. Я только успела крикнуть:

— Не стреляйте!

К счастью, дорога тут круто сворачивает направо. А медленные, но мощные взмахи крыльев уносят птицу налево, и она скрывается в зарослях саксаула.

Как же я обрадовалась, что дрофу не подстрелили!

Борис Голев
(г. Тула)

ЗА ЛОСЕМ И КАБАНОМ

Борис Голев — замечательный рассказчик — охотник, продолжатель традиций этого литературного жанра, доведенного до совершенства в XIX веке. Постоянный автор «Приокских зорь».

ПРЕДЫСТОРИЯ

Наши отцы, да, пожалуй, и наши деды, посвящавшие свой досуг охоте, не знали охоты на кабана. Кабан издавна водился на просторах России, был обычен в западных и южных губерниях, в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. С конца XIX века в связи с применением огнестрельного оружия дикий кабан исчез из многих центральных районов, к 30-тым годам прошлого века в Подмосковье его практически не стало.

Мы довольствовались охотой на зайца, гордились, когда привозили домой лисичку, весной ездили на тягу вальдшнепов, осенью стреляли уток и при этом считали себя добытчиками, настоящими охотниками. Немногие уезжали на Север, в Сибирь, охотились на глухариных и тетеревиных токах, участвовали в охотах даже на медведя. Мы и не помышляли об этих охотах.

В начале шестидесятых, во время лыжной прогулки в Яснополянской Засеке, захал к знакомому егерю, Ивану Никитичу Исаеву, Исаю, как звали его охотники. Тот под страшным секретом рассказал, что у него появились кабаны. Он их подкармливает.

— Приезжай ко мне с ночевкой, я тебе покажу их.

Как-то быстро кабан прижился, численность его росла. Причиной этому послужило заметное увеличение численности кабана в западных областях, их естественное расселение на север и восток, где они быстро освоили районы с развитым сельским хозяйством. Расселению способствовали выпуск, охрана и подкормка кабанов в хорошо организованных охотхозяйствах и, конечно, наличие кормовой базы в наших лесах — дикий орех, желудь. Кабаны стали обычны, в начале семидесятых годов их стало так много, что жители небольших деревень поздней порой боялись ходить из деревни в деревню, грибники опасались встречи с кабаном, вепрь все-таки. Кабан обжился, от него и вред пошел. Разрывал картофельные поля, бурты с заложенным на зиму картофелем, перепахивал посадки молодого дуба в поисках желудей. Открыли на него охоту. Сразу было ясно, хоть кабан и дикий зверь, от человека зависит. В охотхозяйствах, где подкармливали его зерноотходами, картошкой, желудей подсыпали в кормушки, кабана было много. На кабана велась не только любительская охота, кабана отстреливали бригады охотников для сдачи мяса государству. Бригады формировались из таких же любителей, если выполняли план отстрела, полагалась, как бы премиальная, лицензия на лося или кабана.

ПЕРВЫЕ ОХОТЫ

Придя на работу после окончания института, Борис как-то естественно влился в охотколлектив.

В конце сезона молодым предложили лицензию на кабана, из нереализованных. Лицензию взяли к знакомому леснику, Киселеву Сергею Петровичу, иногда охотились с его гончими. Приехали к Сергею Петровичу с вечера, у него и ночевали. Утром Петрович сказал:

— Переходите овраг, двигайтесь по санному следу к лесу, смотрите кабаньи переходы. Я вас на лыжах догоню, вот только кой-какие дела сделаю.

Утро выдалось морозное. Конец января, высокое небо чистейшей голубизны, до самого леса заснеженное поле переливалось алмазным блеском, лес за полем предвещал сегодняшнюю охоту. Оставленная за спиной деревенька как будто утопала в снегах и — струилась печными дымками. Сразу за оврагом начали попадаться заячьи следы. На следы поглядывали молча, сегодня не до зайцев. В лесу санный след пересекала просека, решили двигаться по просеке параллельно опушке леса. Движение остановилось. Наискось просеку пересекала рваная борозда. Снега к этому времени насыпало изрядно, поняли, прошли кабаны. Начали гадать — в какую сторону пошли кабаны? Охотничьего опыта у всех было немного, зато амбиций достаточно. Барчуков указывал в одну сторону, Великородный — в другую. Сыпучий снег не давал отпечатка копыт. Пока спорили, на лыжах подъехал Сергей Петрович.

— Петрович, не пойдем, куда ушли кабаны? Вроде бы направо.

Сергей Петрович подавил улыбку, стал показывать:

— Смотрите, куда выволок, куда он ногу тащит из снега, смотрите, где он через бурьян шел, в какую сторону он кустики от снега стряхнул. А пошли кабаны налево, и я знаю, куда пошли. Теперь давайте за мной.

Петрович не пошел кабаньим следом, прошел дальше до пересечения с другой просекой и по ней повернул. Прошел этот квартал и опять повернул. Через некоторое время впереди просеку пересекал тот же след. Остановились. Петрович негромко объяснил:

— Теперь тихо. Скоро ельник будет, кабанам самое место в нем отлежаться на теплой подстилке. Обходить ельник не будем, прошли кабаны дальше или остались, дело покажет. Сделаем загон втемную, а то можем подшуметь. Рассказал, как идти, пересчитал нас взглядом, сказал, как расставиться.

— Я в загон один пойду, достаточно. Перед началом сигнал дам, крикну.

Шли молча, пока впереди не затемнел ельник. Ельник обходили стороной, что б не стронуть кабанов. За ельником редкое мелколесье спускалось в овраг, над оврагом перед ельником и расставились.

Впереди Володи Великородного просматривалась просека, вернее, посаженные рядами ели. Ели были немолодые, они переплелись темными лапами, но ряды просматривались. Володя не успел вжиться в окружающее, как послышалось: «Оо-оп! — Оо-оп!.. — Вот! — Вот!..»

Почти сразу за криком в просвете елок встал кабан. После выстрела кабан завалился, в просвете промелькнули еще два. Вскоре по этому же ряду вышел Сергей Петрович, поманил к себе Володю. Рядом с ним, почти зарывшись в снег, лежал кабан.

— Поздравляю. Небольшой секач, двухлетка. Для начала — неплохо.

Подтянулись остальные. Охота окончилась, каждый был немного расстроен, почему не на него зверь вышел. Зато Володя был на вершине славы — как же, вот кабан, можно сказать — вепрь, и положил его он!

— Степаныч, старший в команде, скомандовал:

— Разряжайте ружья, ты, Петрович, поезжай за лошадью, мы пока кабана разделаем.

Кто раньше участвовал в облавных охотах, быстро справились с кабаном. Только Володя Великородный прохаживался неподалеку и негромко напевал из Высоцкого: «Идет охота на волков, идет охота. Конечно, сегодня был его день».

Вскоре послышался скрип саней, Сергей Петрович сразу развернулся на поляне.

— Ну, мужики, не поверите! Со мной такое случилось! Вы тут прошлый раз: «Разрядить всем ружья!» Вот и я разрядил. Представляете, отъехал от вас, стал в овраг спускаться, а из правого отвертка кабаны пошли, штук шесть. Я ружье стаскиваю, прикладаюсь, жму на курок, а выстрела нет! Тут до меня доходит, ружье-то разряжено! Пока патроны вложил, кабаны уж далеко. Выругался я на вас, оглядываюсь по сторонам. А в другом отвершке, слева, кабан затаился в деревьях. Прямо ко мне мордой, сейчас бросится! Стреляю, кабан на месте остался. Вторым стреляю, кабан стоит. Перезаряжаюсь, подошел ближе, стреляю. Стоит кабан! Патроны что-ли плохие? Достая последний патрон, ближе подошел, выстрелил, а он стоит. Тут мне страшновато стало. Стою, смотрю, думаю. Остался еще один патрон с заячьей дробью. Потихоньку подхожу. Смотрю, а кабан-то мертвый. Застрял в развилке липок, давно, наверное, стоит. Думаю, что получилось — кормились кабаны на поле над оврагом, кто-то их напугал, бросились они вниз по склону, кабан прыгнул через липки, что росли из одного корня, и попал между стволов лопатками. Стал выбирать, снег глубокий, рыхлый, только ниже опускается. Его и заклинило. Морозы стояли за двадцать, он и замерз. Охотники недоверчиво слушали.

— Петрович, ты жене расскажи, как сдохлым кабаном в схватку вступил.

— Можете не верить, сейчас поедем, я вам покажу, как все было, нам через этот овраг выбирать.

Погрузили кабана, двинулись за санями. Все так и оказалось, как рассказывал Петрович. Лыжный след спускался в овраг, где сходились два отвершка. Пошли смотреть. Слева в деревьях темнело, подошли ближе. Действительно — кабан, небольшой кабан. Как живой стоит. Подошел Борис Степанович и за щетину поднял кабана из развилки.

— Что с ним делать, он вымерз, почти ничего не весит. Петрович, забирай его собакам.

У Петровича, засиделись до вечера, уезжали уже по темному. В машине было холодно, печка не работала, водителю, сидя за рулем, приходилось левой рукой через открытое окно протирать лобовое стекло. На заднем сидении сидел Володя Великородный и мурлыкал: «Идет охота на волков, идет охота...».

ТАК ЛИ ОПАСЕН КАБАН

В пятницу после работы с лицензией на кабана едем на охоту. С дороги свернули в Плоское, к знакомому леснику. Борис с Юрой на лыжах отправились к егерю, Толику Хренову, в Березовку. Подъехали к дому уже в сумерках. Егеря дома не было, жена говорит:

— Ушел на лыжах еще утром, подождите, скоро должен быть. Проходите в дом, чайник недавно кипел, чай пить будем.

Через какое-то время в сенцах слышится шум, в дверях появляется Толик Хренов, шапка и куртка в снегу, лицо горит от ветра и мороза. Здоровается, мы у него не впервой.

— Что у вас, — лось? — кабан?

— Кабан. Опять под закрытие охоты лицензию дали.

— Мужики, а у меня — пусто! Целый сезон долбили и ваши тульские, и алексинцы. Я сегодня весь участок на лыжах проехал — ни одного перехода. Лоси ходят, а кабана нет.

Борис с Юрой поскуцнели, смотрят выжидающе. Толик уже разделся, присел к столу. Ребят этих он знает давно, надо как-то выручать.

— Вы у Сергея Петровича ночуете? За дорогу от Поповки уже другой участок, не мой. За вашей деревней — старый ельник, за ельником поле, с одной стороны овраг тянется, с другой стороны — дорога на Алексин. На поле в валках солома осталась, утром посмотрите, кабаны могут залечь. Парочка там ходит. Пройдите низом по оврагу, разойдитесь по полю, проверьте валки с соломой. Постарайтесь на лежке взять. Если кто подъедет, скажете — подранка добирали. Не возьмете на лежке — постарайтесь толкнуть в сторону моего участка, через дорогу.

Утром получилось так, как говорил Толик. За ельником развернулись цепью и пошли параллельно дороге. Хорошо, Виктор пошел оврагом, он и стронул кабанов, лежали в соломе на краю оврага. Лежали уже на слуху, солома зашевелилась, потом развалилась, кабаны на махах пересекли поле и ушли через дорогу. Не стреляли, далеко, этих кабанов мы больше не видели. Целый день, просеку за просекой, поворот за поворотом, шли за этими кабанями. Ни в отъемном, ни в глухом лесу они не остановились. Под вечер пересекли свежую борозду кабаньего перехода. Загон решили делать втемную, светлого времени оставалось мало. Загон оказался удачным, стрелял Димка. Сошлись на выстрел, кровь.

— Шесть штук было, стрелял по последнему, но далековато.

Думали, что дальше делать. Надо бы время выждать, пусть облежится. Но времени не было, темнело. Покурили, пошли по следу. Крови было немного. Вместе с кровью на следу — брызги коричневой дряни. Видимо, пуля пробила кишечник. Вскоре раненый кабан от стада ушел в сторону. Вышли на край поля, цепочка следов тянулась в сторону отъемного леса. Преследовать дальше не было смысла, почти стемнело.

Над головами уже ярко сияли звезды, запрокинутый ковш Большой Медведицы указывал на Полярную звезду, Полярная звезда — на Север. Краем леса вышли на лесовозную дорогу, дорога шла в нужном направлении. Наезженная дорога припорошена снежком, идти легко, только целодневная погоня за следом давала о себе знать. Вспотели, холод все глубже проникал под одежду. Шли уже долго, лес по сторонам дороги то светился березовым белоствольником, то мрачно темнел спящими елями. Как водится, начались сомнения, туда ли идем, перспектива оказаться ночью посреди леса без всякой надежды на тепло и уют деревенского дома никого не радовала. Борис Степаныч уверенно шел впереди и эта уверенность передалась всем. Спустились в низину, поднялись на бугор и увидели впереди цепочку движущихся огоньков — дорога, к которой стремились. За дорогой темным пятном среди снежного поля угадывался ельник, за ельником, знали, Плоское. Даже лошадь в конюшню идет быстрее, поэтому оставшийся путь одолели быстро. В доме не спали, как оказалось, там были гости. Сергей Петрович, раскрасневшийся от выпитого, жестом пригласил всех к столу.

— Присоединяйтесь! У жены сегодня в Алексине районное совещание было, она своих учительк к себе ночевать привезла, поздно им на ночь глядя домой добираться. Как успехи, взяли своего?

— Да нет. Утренние, что за деревней в соломе лежали, не подпустили, потом целый день нас по лесу таскали. Идут и идут, нигде не остановились. Под вечер наткнулись на свежий переход, стреляли, зацепили одного, решили до утра оставить.

Петрович уточнил, как шли, как стреляли, как возвращались.

— Понял, вы его у Торчкова леса оставили. Хорошо, если ночью не сдохнет. Брюшину вы ему прострелили. Если сдохнет, его тогда собаки жрать не будут. Завтра я вам помогу. Подъедем прямо к лесу, на вашем запорожце подъедем, там дорога наезженная есть.

Вечер затянулся надолго. После дня лыжной погони за кабанями отдали должное угощениям хозяйского стола, согрелись выпивкой, и завязался общий разговор.

Да и учительки уже остыли от сегодняшнего совещания, согрелись, захмелели немного, почувствовали освобожденными от служебных, от домашних забот, ощутили себя молодыми и свободными. Петрович уже снимал с гардероба гармошку, и деревенская изба наполнилась музыкой, громкими голосами, добрым человеческим теплом.

Утром все были полны решимости добрать кабана.

Дорога к лесу, где бросили вчера подранка, оказалась не такой уж долгой. На машине подъехали почти к самому лесу. И след входной нашли быстро. Петрович сказал, где кому встать, взял с собой Великородного и углубился по следу. Началось ожидание. Ночное тепло потихоньку уходило, ожидание затягивалось. Два выстрела обнадежили, но тишина после выстрелов была такой же долгой, за выстрелами ничего не последовало. Борис помахал Виктору, сошлись.

— Слушай. Может, кабан их там размазал? Может, им помощь нужна? Соседу справа показали, идем по кабаньему следу. Вскоре увидели идущих навстречу Володю и Сергея Петровича.

— Больше не можем. Вышли на овраг, шесть лежек с кровью, а лежал он за грядой и тихо ушел. Два раза стреляли вдогонку, без толку. Пошли за ним, он прет и прет, и крови на следу почти не оставляет. Выходил на стрелков, только вы ведь тихо стоять не можете. Он обратно в лес уходил. Лес небольшой, но оврагов! Мы сдохли. Идите вы с Виктором.

Дошли до места, где Петрович с Володей оставили след, стали разбираться. След путался со старыми, приходилось постоянно наклоняться, оттаивать в ладони снежные катышки на следу, кровинки подтверждали — след тот самый. Борис шел впереди, Виктор чуть сзади. Кабан крутился в середине этого отъемного леса, в поле не выходил. Похоже, он уже знал расположение всех стрелков, где наши стояли на номерах, крутился в оврагах, в частике. Но мы-то подпирали его сзади. В очередной раз, когда Борис наклонился, чтобы оттаять катышки снега на следу, впереди раздался то ли рык, то ли вздох: «Ухх..., ухх...» Борис поднял голову — кабан был впереди, метрах в двадцати, и уже бросался на него. Первое впечатление — какой-то он плоский, некуда стрелять. Кабан шел прыжками, только холка кольхалась вверх-вниз. Выстрел... — кабан прет, вторым стрелял метров с трех — прямо в лоб. Кабан заковырял, но шел. Третий выстрел — стрелял Виктор — кабан ткнулся в землю. Последующее разбирательство показало: первая пуля прошла выше головы и только чиркнула по спине, не задев позвоночника. Вторая прошла краем морды и только оглушила кабана. Третья — убойная, через шею прошла прямо в сердце. Вскоре подошли остальные.

— Дима, а где секач-то, ты вчера говорил — секача стрелял?

Подняли за морду из снега, лишь небольшие клыки приподнимали верхнюю губу. Это была хорошо нагулянная свинья. Сходили к запорожцу за бечевой, накинули петлю на морду и на раз-два потянули к машине. Ошкуренную свинью погрузили на багажник и в таком виде подъехали к магазину в Поповке.

Молча отодвинули очередь, взяли водки. В очереди молчали, поглядывая в окно на стоявший запорожец с тушей кабана на багажнике. Машина повернула в сторону Плоского. Не пропадать же печенке.

КАБАНА ВЛЕТ

С переходом на другую работу возможностей для охоты стало больше. В отраслевом институте был небольшой охотколлектив, держали охотничий домик в отдаленном уголке Тульских Засек. Замдиректора института, Николай Алексеевич, сам охотник, в выходные дни выделял для охотников или рыбаков автомашину повышенной проходимости. И сам на охоту часто ездил. Виктор Васильевич, председатель охотколлектива, с Борисом они раньше охотились, когда еще работали на старой работе, рассказал:

— Организовали бригаду по отстрелу копытных для сдачи мяса государству. Вроде — нам ни к чему, все люди обеспеченные, но свой резон есть. Отстрелял сколько положено, имеешь спортивную лицензию. И всю зиму охотимся. Участок Засеки за нами закрепили. Приобрели небольшой домик подальше от трассы, отремонтировали. Две печки, одна на кухне — русская, в комнате — отопительная печь с плитой. Поставили солдатские двухэтажные кровати. Худо-бедно, человек двенадцать могут разместиться. В соседнем доме — егерь живет. И за домом присмотрит, и еще двоих-троих у него можно разместить.

В тот год охоту на копытных открыли еще в ноябре, Бориса пригласили уже на первую охоту. Еще в Туле Борис ощутил организующее начало Николая Алексеевича. Все собрались вовремя, машина пришла вовремя.

Виктор Васильевич представил Бориса Николаю Алексеевичу:

— Недавно у нас работает. А охотится давно, правда, больше по перу, но и на копытных ездил, раньше на стенде стрелял. Лося два года назад при мне положил, а в прошлом году кабан его самого чуть не положил.

— Ладно, посмотрим. Грузимся, поехали.

В тот раз, не заезжая в охотничий домик, начали цедить засеку. Снега еще не было, начали от Кузьменок. Загон от поля был пустым, решили ехать через засеку, от Турчиной до Шурухновской казармы просека была расчищена. Казарм этих давно не было, но названия остались. Остановили машину на поляне недалеко от маленькой речушки Колодни. Виктор Васильевич предложил:

— Отдыхайте пока. Мы с Борисом кружок сделаем, посмотрим, что к чему.

Шли старолесьем, лиственный высокоствольный лес без подроста не обещал ни лосей, ни кабанов. Кабаньи порытия, правда, встречались. Вышли на зарастающую вырубку, через вырубку просматривалась старая лесовозная дорога.

Виктор Васильевич остановился, осмотрелся, с уверенностью сказал:

— Пойдем через вырубку. Я думаю, скоро к машине выйдем. Заждались нас мужики.

Не успели углубиться в вырубку, застрекотала сорока. Борис поднял руку, повернулся к Виктору.

— Васильич, не зря стрекочет. Виктор Васильевич подтолкнул Бориса:

— Иди вперед.

Борис, перехватив ружье, тихо двинулся по лесовозной дороге.

Лес уже почти облетел, только вырубка светилась пятнами еще не облетевших кустов с вкраплением желтых полян некошеной травы. В этой траве и лежал кабан, с краю дороги на пригреве. Допустил близко, вскочил и бросился от охотников прямо по дороге. Стрелять было неудобно, опять поразило — такой он плоский. Несколько прыжков и он скроется в старолесье. Но еще раньше кабан отпрыгнул в сторону. Момент — и кусты его скроют. Борис накинул на прыжок, стрелял почти как по бекасу. После выстрела кабан рухнул. Тихо подходили, с ружьями наизготовку. Борис тронул стволами голову кабана. Голова была разбита. Пуля попала в сочленение костей черепа, кости точно разлетелись. Борис постепенно приходил в себя, подумал: «Все сделал правильно».

Виктор Васильевич восхищался:

— Ну, ты даешь, такой выстрел! Это называется — кабана влет!

Оказалось, машина была недалеко, притащили кабана, погрузили, было решено ехать в Высокое, на базу. Вроде-бы и не охотились сегодня, но результат был, а день ноябрьский короток. В машине Виктор Васильевич все рассказывал, какой это был выстрел — кабана влет. Борис понял, эти люди приняли его в свою команду, сегодня он все сделал правильно.

ТАКОЕ ТОЛЬКО РАЗ БЫВАЕТ

Поездки на охоту стали обычными. В пятницу созвонились, в субботу собрались на углу в ожидании машины. В этот раз Борис взял с собой сына, Сережу. В свои двенадцать лет он уже ездил с отцом на охоту, на тяге ему доверяли ружье. На эту охоту взяли в первый раз. Не заезжая на базу в Высокое, решили сразу начать охоту. Егеря взяли по дороге, первый загон делали от подкормки.

Сегодня мы богатые — лицензия на лося, лицензия на кабана, лицензия на косулю. Первый загон решили делать недалеко от Высокого, «от подкормки», как мы называли этот загон. Подкормочная площадка там действительно была, хотя в это время кабаны на подкормку еще не ходили. За скошенным полем темнел лесной массив, отделенный сырым оврагом, заросшим ивняком и осинником, за оврагом по косогору до старолесья тянулись заросли орешника вперемешку с подростом молодых березок и дубков. Идеальное место для всякого зверя. Стрелковую линию ставили по просеке в старолесье, гнали от оврага вверх. Сегодня Борис с сыном в загон не идет, на стрелковую. Сережа рядом с отцом, чуть сзади, без ружья. На этой охоте пока без ружья.

Почти сразу за голосами загонщиков — шорох по листве и косуля, оглядываясь и прислушиваясь, уходила левее метра в двадцати от Бориса и Сережи. Это был козел, рога он уже сбросил, но был так изящен и красив. Борис пока еще только любовался зверем, он еще и в мыслях не поднимал ружье, как услышал шепот Сергея:

— Папа, не стреляй, пусть уйдет.

Борис понимал чувства, владевшие сыном, но таким же шепотом чуть слышно сказал:

— У нас — лицензия на косулю, пропустим, нас не возьмут больше на охоту. В ответ услышал:

— Не стреляй, она такая красивая. Борис также тихо:

— Ну, смотри, не проговорись вечером, когда в дом приедем.

Косуля была уже за стрелковой линией, мелькнула белым зеркальцем подхвостья. Сосед слева не видел ее. Это была удача, они не стреляли и выстрелом не испортили того, что произошло дальше. Дальше было еще интереснее. Из мелочей прямо на них катили кабаны, целое стадо. Больше десятка молодых, с ними две свины. Борис стрелял по свиные, свиная упала, тут же вскочила, пришлось стрелять еще раз. А кабаны устремились слева и справа от охотников, они были совсем близко. Борис скосил глаза на Сережу. Нет, ружья у него не было, но и страха не было. Глазеньки сверкали. Не успели скрыться последние, услышали, и тут же увидели — справа мчался кабан, здоровенный секач. Видимо, он шел сзади стада и чуть в стороне, теперь, вслед за стадом, он шел прямо на соседний номер. Лес здесь был завален упавшими деревьями, кабан шел на прыжках, раз за разом гремели выстрелы. Это стрелял сосед справа, Левка Агеев. Работала его пятизарядка. И только на последнем, пятом выстреле, прямо на прыжке через поваленное дерево, кабан кувырнулся через голову и завалился. И все это Сережа видел. Видел, и, наверняка, все произошедшее останется у него в памяти на всю жизнь.

ОСЕЧКА

В тот раз загоны с краю засеки ничего не дали. Поехали просекой, через засеку, поехали, пока машина пройдет. На развилке остановились. Просеку пересекал свежий кабаный след. Решили сделать загон на оврагах, что примыкали к большой поляне с остатками невывезенного сена. Обойти кабана не имело смысла, кварталы в старой засеке нарезаны в километр, а то и в два, овраги делали засеку непроезжей. Посоветовались у машины, решили делать загон, договорились, кто где встанет. Николая Алексеевича поставили внизу в овраге, там основной переход. Прокричали загонщи-

ки, выстрелов не было. Загонщики вышли на Николая Алексеевича в недоумении. Свежий след уходил прямо в овраг, где стоял Николай Алексеевич. По следу было видно — кабан прошел по противоположной стороне оврага, в пятнадцати метрах от него. В недоумении смотрели загонщики, в чем дело, почему не стрелял? Если бы не большой начальник перед ними, такое бы он сейчас услышал в свой адрес. Николай Алексеевич молча полез в карман, достал патрон, показал — осечка. Борис видел, патрон с пулей был наколот бойком.

— Может и была осечка, подумал про себя Борис, а может, не хотел Николай Алексеевич стрелять этого кабана. Интересно, сколько Николай Алексеевич возит этот осечный патрон с собой?

Вспомнил, как на одной из облавных охот на него вышла косуля, остановилась перед ним метрах в десяти перед просекой, слушала голоса приближающихся загонщиков. Борис был в белом маскировочном костюме, стоял на открытом. Лицензия на косулю и в этот раз была, но не было никакого желания стрелять в это грациозное изящное животное. Косуля не пошла через просеку, потопталась и направилась в сторону соседнего стрелка. Там стоял наш бессменный председатель, Виктор Васильевич Чернов, я его хорошо видел. Косуля и перед ним задержалась.— Думаю, не выдержит Виктор. Выстрела не было. Молодые сказали бы: «Стареют мужики». Теперь-то на моей памяти уже много охотников — на охоту ездят, путевку или лицензию выписывают, но зверя или птицу иногда отпускают без выстрела.

И такое вспомнил. На вальдшнепиной тяге стоял недалеко от Вени Сонина. Слышу, летит на него вальдшнеп, выстрел, слышу удаляющее циканье и хорканье. Еще летит на Веню. Выстрел, опять вальдшнеп летит. Промазал? Не верю. Старый стендовик, видел много раз как он чирка влет бьет. Потихоньку подхожу сзади, вижу, еще один вальдшнеп летит прямо на Веню. Ну, думаю, сейчас — королевским! А Веня ружье в сторону — Бах! ...Бах. Я потихоньку ушел на свое место.

БЛЮДЦЕ

На коллективных охотах от всех участников и от каждого в отдельности требуется строгое соблюдение дисциплины. До двадцати, а то и больше людей с заряженным оружием сходятся на ограниченном пространстве, обеспечить их безопасность может только четкое выполнение правил техники безопасности. И другое. Охота проводится на крупного зверя, трофейного зверя, результаты охоты становятся достоянием всех. Поэтому не допускается индивидуальная стрельба по набежавшему зайцу, лисе, прочим зверям и птицам. Выстрел этот может испортить результаты охоты всего коллектива, сделать никчемной подготовительную работу членов команды и егерей. Наконец, просто испортить настроение участников охоты. Только волк — исключение из этого правила. Волка стреляют всегда.

Как говорил Остап Бендер — деньги принесут ему на блюдечке с голубой каемочкой. Было у нас свое блюдечко. Блюдцем называли мы загон, где удача ждала нас почти постоянно. Далек от трассы, не всякая машина пройдет, а место для облавной охоты идеальное.

Поблизости от колхозных полей, в старолесье была обширная впадина, изрезанная оврагами и заросшая молодняком. Для зверя — настоящее эльдорадо. Подрост дуба, осины, вперемешку с березняком и орешником укрывали и кормили лося. Идеальная кормовая база для кабанов — старые дубы вокруг через год-два давали обилие желудей, заросли орешника в иной год — урожай орехов, да и на колхозных полях, что примыкали к лесу, кое-что оставалось после уборки урожая.

После утомительного проселка машина забиралась по откосу в старый дубовый лес и останавливалась на краю поляны. За поляной — обширная низина, заросшая

мелколесьем, по форме действительно напоминавшая блюдце. Здесь разговоров не было, каждый знал свое. Загонщики уходили влево к опушке леса, граничившей с полями. Стрелки уходили направо, все дальше и дальше спускаясь в низину, как бы огибая блюдце. Водитель брал на себя роль наблюдателя, забирался на крышу кунга, предстоящее действие можно было наблюдать как на картине. Потом рассказывал:

— Загон еще не начался — поднялся лось. Стоял, поворачивал головой с настороженными ушами, прислушивался. Начался загон, он еще некоторое время оставался на месте, потом неторопливо пошел в сторону загонщиков. Никто из загонщиков этом лося потом не видел. И на стрелков он не выходил. Объяснялось просто — подшумел кто-то на стрелковой линии пока расставлялись на номера.

На прошлой охоте Борис не удержался — стрелял по лисе. Загонщики были уже недалеко от стрелковой линии, судя по всему, кабанов не было, а на него вышел редкий по красоте лисовин. Шел, прислушивался, оглядывался на загонщиков. Перед просекой остановился. Светилась и переливалась шерсть его шубки светились и переливались снега на склоне оврага, прозрачно светился лес, просвеченный заходящим солнцем. Пересилило чувство — мужчина должен приносить в дом добычу. Дождался, когда лисовин был закрыт деревом, когда показалась голова, выстрелил. После охоты получил свою порцию ярких определений от команды, вечером традиционно откупился. Через неделю опять был поставлен перед вопросом — стрелять? — не стрелять?

Стоял на самом дальнем номере, справа никого не было. Впереди из оврага на него шла лиса. Следом еще лиса. Стрелять? — Не стрелять? Опять мужики орать будут. И тут же понял — волки! Передом волчица шла, даже соски разглядел. И понял, волки идут из загона, справа-то от него никого нет. А в стволах — только пули на кабана. Стрелял, думал, может, разверну волков в загон. Самец после выстрела делает кульбит и сваливает назад, в овраг. Ни стрелки, ни загонщики его так и не видели. Волчица, если бы она шла как шла, ушла бы невредимой. Она же развернулась и оказалась много ближе. После выстрела какое-то время шла, скрылась в кустах, там шуршало, трещало, потом затихло. Вышел загонщик, Володя Никитин.

— Посмотри,— говорю,— я волка стрелял.

Володя прошел по следу, дошел до кустов.

— Кровица тут,— говорит.— Я дальше не пойду, сам иди.

Пошел. Волчица лежала дальше, на склоне оврага, в последний раз показав зубы в смертельном оскале. Это был страшный оскал. Подумал, если бы она вцепилась в руку, перекусила бы.

Вечером в Высокое, в охотничий домик, заехал председатель одоевского районного охотобщества Петр Михайлович. Заехал, проверить нас, наверное, хотел. Мы ему — про волчицу. Обрадовался. Как-никак, район с волками борется.

— Шкуру я у вас забираю, деньги на неделе перешлю.

Неделя прошла, команда в полном составе в субботу погрузилась в шестьдесят шестой, и два ящика загрузили. Петр Михайлович слово сдержал, деньги за волчицу переслал.

В тот день охоты не получилось. Погоды не было, следа не было. Было настроение — скорей в Высокое. К этому располагал и перезвон из ящиков. Приехали, натопили печку. А на стол и поставить нечего. Привыкли уже. Не было охоты, чтобы без лосиной или кабаньей печенки, из дома кроме хлеба и солений ничего не брали. Выпили по единой и замолчали. Не идет разговор.

Безвыходных положений в жизни не бывает. Виктор Барчуков, подмигнул Борису:

— Борис, а мы забыли, у нас в сарае кабанья нога с прошлой охоты висит, пошли! Вышли в сенцы, Борис Виктору:

— Ты что буровишь, какая нога?

— Молчи, сейчас поймешь.

В сарае на крюке висела ободранная неделю назад волчица.

Мясо обрезали, в холодильнике всегда было нутряное кабанье сало, скоро жаровня с шипящим мясом была на столе. Неудача на охоте, дневная усталость, водка, которая без закуски не шла в горло, все забылось. Вечер покатился по накатанной. И егеря наш, Борис Захарыч, уже с гармошкой. Немолодые мужики, кто в валенках, кто в одних носках, притопывая и прихлопывая около печки, плясали и распевали:

*— А по ночам мне снится конь,
Ко мне подходит рыжий конь,
В лицо мне дышит рыжий конь,
Косит лиловым глазом.*

Почему-то вечернее застолье после охоты заканчивалось у нас именно этой песней. А когда Виктор в перерыве огласил: — Ну, как вам волчатина? На это никто даже не среагировал.

БАНКА

Конец января, закрытие охоты. У нас лицензия на лося не реализована. По трассе доехали быстро, до Кузьменок добрались благополучно, но на овраге сели капитально. Копать, толкать, заводит трос, цепляться лебедкой и опять толкать, копать — зимний день короток. Кто постарше остались машину вытаскивать, те, кто помоложе, перебрались через овраг и углубились в засеку. Надежды мало, даже на охотничьих лыжах еле продвигались по просеке. Засека буквально завалена снегом и никаких следов. Зверь далеко не ходит, держится около кормовых мест. Не везет тем, кто не очень сильно хочет. А мы хотели завершить сезон как положено. Наконец был след, был выстрел, подъехал Виктор Васильевич, улыбается:

— Стас лося положил. Только как теперь его вытаскивать?

А вытаскивать непросто. Нет бы Стас подождал, когда лосяка из оврага выберется, а он в овраге стрелял. Хорошо, лось небольшой. Разделали прямо в овраге. На просеку вынесли, а дальше что? От машины уходили, ружья взяли, а рюкзаки? Валерку послали за рюкзаками — он у нас спортсмен, лыжник! Привез рюкзаки, начали раскладывать. Кому — передняя часть, кому задняя часть досталась. Остальное помельче порубили и пошли к машине. Днем было тяжело ходить, снег не держал. А как идти с такой ношей? Валера, правда, когда за рюкзаками ездил, ружья наши в машину отвез. Шли из последних сил. Засеку прошли, вышли на край поля, дальше за оврагом — свет машинных фар. Вытащили они машину. И догадались направить свет в нашу сторону. Этот маяк и давал нам силы. Поле прошли, как овраг переползали, не помним. В машину, в кунг, сил подняться уже не было. Нас подняли вместе с рюкзаками. Все равно до трассы приходилось машину толкать, егеря домой завезли, только условие поставили — чтоб банка была. Нет на Руси села, чтоб банка не нашлась. И банка нашлась. А когда выехали на трассу, банка пошла по кругу. Как будто не было нынче рюкзаков с лосиной ногой за спиной, когда из последних сил, проваливаясь на каждом шагу, уже не надеялись, что дойдут. В валенках, в телогрейках, в так и не снятых маскхалатах охотники плясали в машине, и даже вприсядку, в тряске и качке мчащейся в ночном снежном кружеве машины. Под какую музыку плясали? Под ту же самую:

*— А по ночам мне снится сон,
Ко мне подходит рыжий конь,
В лицо мне дышит рыжий конь,
Косит лиловым глазом.*

Яков Шафран
(г. Тула)

ЖАЛОСТЛИВАЯ

1

Кончался дождливый июльский день. Под навесом сидели завсегдатаи пивной и медленно пили пиво. На столах между бутылок и кружек виднелись горки обглоданных скелетов хилых рыбешек, остатки кальмаровой стружки, пакеты со всякой подобающей случаю снедью. Устоявшийся запах — смесь винного и пивного перегаров, сигаретного дыма, выхлопных газов и других производных скученного человеческого бытия — окутывал сидящих, прохожих, через форточки проникал в квартиры и конторские (в переводе на заморский — офисные) помещения и пропитывал собой все и вся вокруг.

Меж столами ходила девушка со светлыми и, судя по пучку на затылке, длинными волосами. На ней было простое ситцевое платье, голубой форменный передник и такого же цвета шапочка. Одежда ее приятно гармонировала с большими синими глазами. Девушка убирала пустые бутылки, освободившиеся кружки, накопившийся мусор, вытряхивала пепельницы, вытирала столы и подметала пол, выходила с совком и метлой под мелкий морозящий дождь на тротуар и убирала за прохожими и посетителями возле пивной, магазина и сигаретного ларька. В редкие минуты, когда нечего было делать, она стояла и равнодушно смотрела на капли, равномерно падающие с навеса в лужицы на асфальте...

Вот и тогда, когда она приехала на электричке в Москву, стояла дождливая погода. С неделю промыкалась на вокзалах и в переходах на Комсомольской (или как она сейчас называется?) площади. Все надеялась найти работу или на встречу: не красавица, но молодая ведь, симпатичная, мало ли. Но такое, наверное, только в сериалах бывает...

— Эй, красивая, что скучаешь? Иди к нам, у нас весело! — раздалось из-за крайнего у стены и тротуара стола. Рыжий, с круглым конопатым лицом и красный от обильно выпитого пива мужчина, слащаво улыбаясь, уже приподнимался, чтобы направиться к ней. Но она резко отвернулась, посерьезнела и пошла в противоположный угол. Мужчина сел на место...

* * *

С каждым днем жизни на вокзалах она теряла привлекательность. Не было возможности ни помыться, ни постираться. Без билета в комнату отдыха можно было попасть, но стоимость была слишком большой для нее. В районе станции метро «Проспект Мира», она узнавала, есть Казанские бани, но там часовая помывка стоит триста рублей, да и на метро туда и обратно — почти шестьдесят. А на такие деньги она могла худо-бедно дня три протянуть.

Но даже при тех мизерных расходах, что она себе позволяла, привезенных денег уже почти не оставалось, ведь цены в Москве гораздо выше, чем у них в Егорьевске.

«Да, вроде бы и рядом, а как далеко ты, милый Егорьевск, тихий, ничем не примечательный, но такой родной городок...»,— думала она, сидя на стуле в своем углу. Вспомнились родители — совсем спившиеся, законченные алкоголики — и старшая сестра-наркоманка. Вспомнились уже без каких-либо эмоций — все давно перегорело. А тогда: изо дня в день попойки, вечно пьяные гости, наркоманы... Когда приходила домой — работала воспитательницей в детском саду после только-только оконченного педучилища (в переводе на тот же заморский — колледжа),— родители злобились на нее трезвую, собутыльники несли всякую похабщину в ее адрес, наркоманы соблазняли своим «кайфом». Не дом — сплошной кошмар. Она только на работе и на улице отдыхала душой. С детских лет спокойная и выносливая терпела бы еще, но однажды сестра подсыпала что-то в еду, наверное, что-то наркотическое. Она это сразу почувствовала, вызвала искусственную рвоту. После этого перестала что-либо есть и пить дома. Но денег на столовые и кафе стало уходить больше, а ведь нужно было и за коммунальные услуги платить (половину платила она, половину с неимоверными усилиями заставляла платить своих «родственников»). Невмоготу стало. Получила очередную зарплату, собрала самые необходимые вещи и уехала в Москву. «Была не была, столица все же, авось повезет с работой, а может, и...» Москва всегда была для нее чем-то большим и светлым, искрящимся и манящим, обещающим и заставляющим замирать сердце...

Но первое же впечатление покорило ее. Это был запах «бомжатника» в переходе под площадью, запах, знакомый ей еще по Егорьевску, вернее, по заброшенному дому, где жили «бомжи», к которому она однажды прибрела, гуляя по городу после работы, чтобы не возвращаться рано в свой домашний ад...

* * *

Она встrepенулась — совсем забыла про работу,— поспешно встала и принялась наводить порядок. В зале еще не установили кондиционер, поэтому нечем было дышать. Но там сидели несколько человек — заядлые курильщики, которым безразлично, какой воздух вокруг, так как курят одну за другой... Она быстро убралась и снова вышла под навес...

Нет, мужчины там, на площади, конечно, обращали на нее внимание, подходили и заговаривали. Но все это было не то, не того она ждала. А в первый день подошел к ней молодой совсем, пацаненок, начал говорить, лопотать что-то. Улыбается, а сам норовит облапать. Кажется дай ему волю, прямо тут же в переходе завладел бы ею... Потом подошел мужчина зрелых лет и, вертя перед собой ключами, прямо предложил побыть с ним в машине — вон она, рядом — за триста рублей... Всяких-яких было по два-три в час, а то и больше. Видно принимали ее за проститутку. А скромный вид еще более привлекал мужчин соответствующей категории. Да и за кого еще ее можно было принять? Если есть спрос, почему не быть предложению, и наоборот — закон рынка... Однажды подошла женщина, предложила жить — тут недалеко — в доме, на всем готовом: постель, питание, крыша над головой («В прямом и переносном смысле»,— добавила она)... Отказалась, в проститутки идти не хотела изначально. Вот найти работу, снять угол и устроить личную жизнь, если повезет, конечно, — другое дело.

Ее внимание привлекли группы людей, в основном мужчин, толпящихся с краю площадки у входа в метро, что между Ленинградским и Ярославским вокзалами. Они заметно отличались от всех остальных обитателей этого места, именуемого «поляной». А там кого только не было! Между колоннами у входа в метро стояли и прогу-

ливались одинокие девицы и женщины — проститутки-индивидуалки; нагло и целенаправленно двигались от мужчины к мужчине с вопросом: «Девушка не нужна?» работающие под крышей служивые профессионалки или их «мамы» (приказчицы, или по-заморски «менеджеры» этого дела). Были и те, кто пришел «подцепить кралю», в основном гастарбайтеры, без семьи и любви, готовые и на продажную. Тут же бегали и приставали к прохожим с «соцопросом» какие-то агенты и раздатчики листовок со своим явно торговым интересом. Прогуливались Люди, назначившие кому-то встречу, и пассажиры, уставшие сидеть в помещении вокзала в ожидании поезда. На основаниях колонн и на широком парапете, ограждающем высокую «поляну» от нижележащего тротуара, и в еще большем количестве на лужайке у тротуара сидели, полулежали и лежали «бомжи» и, с «серо-буро-малиновым нечто» вместо лица, законченные алкаши. На парапете они сидели маленькими группами в два-три человека. А на свободных местах можно было встретить и одиноких женщин, пришедших сюда в последней надежде, если повезет, познакомиться с другим отчаявшимся одиночеством, ведь нормальная жизнь для мужчины все же лучше эрзац-любви. К ним с притворно деловым видом изредка подходили и охотники «такой» любви.

Люди же, на которых она обратила внимание, отличались ото всех остальных. Они держались особняком и были, как правило, пропитыми, прокуренными, с какими-то серыми лицами и бедно одетыми, но сосредоточенно трезвыми мужчинами. Попадались среди них и женщины того же типа.

Она вначале побаивалась подходить... Мало ли что... Но одна женщина из той среды рассказала, что они приехали из окрестных городов и сел наниматься на низкоквалифицированные работы. И, верно, увидела: когда хорошо одетая женщина с папкой в руках подошла к ним, все тотчас собралось вокруг нее. Потом подходили и другие работодатели. Требовались землекопы, подсобные рабочие на стройки, сельскохозяйственные, в основном мужчины на тяжелые работы и вдали от города. На нее же все глядели как на нечто странное, из ряда вон выходящее. А один из работодателей — полный мужчина с широким лицом и затылком, сразу переходящим в спину — даже показал ей на толкущихся между колонн женщин...

Тогда, когда она решила вернуться в Егорьевск — деньги уже совсем кончились, и будь, что будет, не пропадать же здесь между вокзалами — подошел мужчина лет пятидесяти, назвался Тимуром. «Мне нужна уборщица-посудомойка в кафе с проживанием, питанием и зарплатой...» Она согласилась...

* * *

К навесу подошел хозяин, Тимур. Недовольно осмотрел все вокруг, выругался и поманил ее пальцем. Показал на валяющуюся на полу у стены скомканную салфетку. Прошел в закуток между туалетом и кладовкой, где хранились метлы и другие хозяйственные принадлежности. «Почему вода на полу?» Взял ее за локоть, отворил кладовку и резко впахнул вовнутрь. По привычке пригнул, снял трусы и сделал свое дело... Она, опять же по привычке, покорно приняла все как должное...

Выйдя из кладовки, она равнодушно поглядела по сторонам, подмела под навесом и на тротуаре и тупо принялась убирать мусор и пустую посуду со столов. Кто-то облапал ее ягодичу. Но она сделала вид, что ничего не заметила и продолжила уборку... С каждым днем, вот уже в течение двух лет работы здесь, она отмечала все более возрастающее внутреннее равнодушие к происходящему с ней и ко всей своей жизни вообще...

...Нанявший ее тогда хозяин оказался владельцем магазина, пивной и сигаретного ларька. Он был женат, имел дочь и сына, который работал в полиции, и с молодой семьей жил в доме отца. Там же проживали и старики — родители Тимура. Дом —

название условное. На самом деле это была большая квартира, сделанная из скупленных на одной площадке четырех квартир — «трешки», двух «двушек» и «однушки». Двери их, как обычно, выходили на площадку, но внутри была проведена капитальная перепланировка...

Ее взяли на работу в качестве прислуги: убираться в доме, в магазине, в пивной и на улице, мыть посуду дома и в пивной. Паспорт хозяин у нее забрал, угол определил рядом с пивной, в каморке. В ней помещалась кровать, небольшой гардероб и тумбочка. На стене висела полка. В отношении зарплаты он обманул, денег не платил, но кормил три раза в день, покупал необходимые вещи и то, что она просила — по мелочам. Тем не менее, жизнь здесь ей показалась раем после Егорьевска и трех вокзалов.

Через неделю Тимур устроил, как он сказал, вечер для работников. Среди них: женщин-продавиц с Украины, сторожа из Подмосковья, кавказца грузчика-водителя были еще и незнакомые ей люди: то ли друзья, то ли родственники Тимура.

Все много говорили, смеялись, поднимали тосты за новую сотрудницу, наливали ей, клали на тарелку еду, поздравляли... Женщины-продавицы усмехались, молчали... «Ревнуют? — думала она. — Но я не собираюсь тут ни с кем крутить. Завидуют? Но чему? Тому, что я молодая?..» Туман от выпитого вина обволакивал ее, было хорошо, тепло, уютно и негативные мысли отступали, растворялись...

Через какое-то время все, отвечая на призыв хозяина подышать свежим воздухом, встали из-за стола и вышли во двор. Далее она помнит, как, пройдя по двору, оказалась вместе с мужчинами в торговом зале магазина. Почему-то других женщин среди них не было, как не было и сторожа из Подмосковья. В зале было темно, свет от уличных фонарей едва пробивался через окна. «А где же тут воздух?» — спросила она. Мужчины рассмеялись. Потом они подошли, добродушно, но с силой взяли ее за руки и за ноги, так что она и пошелохнуться не могла, когда поняла все... Парень-грузчик и еще кто-то из гостей, что-то крикнув и сплюнув, вышли из магазина, громко хлопнув дверью. Остальные не обратили на это никакого внимания, неторопливо, даже ласково, сняли с нее одежду и нагнули, продолжая крепко держать. Все по очереди овладели ею...

С тех пор это делали с ней, кому не лень: хозяин, сын, родственники, гости. И она безропотно терпела все...

* * *

Дождь закончился, небо на юго-западе прояснилось, была видна последняя стадия заката — улица как раз в это время года открыта ему, и ничто не закрывает это всегда и всех волнующее зрелище. Вот и сегодня идущие домой после работы, после всех дел люди, или просто вышедшие погулять либо выведенные на прогулку своими собаками, или пьющие пиво за высокими круглыми стойками между тротуаром и навесом — все любовались этой красотой, которую небо иногда дарует нам.

Солнце садилось в небольшую тучку. «Значит, завтра будет хороший солнечный день», — подумала она и засемила к очередному освободившемуся столу, чтобы привести его в порядок. Люди подходили и подходили, работы было много, она не заметила, как стемнело.

За одной из стоек на улице пил пиво высокий стройный молодой мужчина, с темно русыми волосами, в светло серой футболке поверх джинсов. Она заметила: он с интересом поглядывает на нее. Что-то засветилось в ее отупевшей душе, но не могла объяснить себе что это. Шло время, а он не уходил, даже о пиве забыл — все смотрел на нее. Потом, спохватившись, взял еще одну кружку пива с сушеными кальмарами и стал медленно цедить прохладную янтарную жидкость, едва откусывая от соленой лапшинки-снеди.

Она отходила по делам, возвращалась и вновь ловила на себе его внимательный взгляд.

Как-то, улучив момент, когда она была недалеко и вокруг никого не было, он шепнул:

— Когда у вас кончается работа?

— А что?

— Хочу пригласить вас немного прогуляться.

— Зачем?

— Вы мне нравитесь,— ответил он и порозовел.— Я из Рязани, здесь на заработках, автослесарем устроился... Я тут, недалеко, комнату снимаю. Вот с работы шел мимо и вас увидел...— смущенно продолжил молодой человек.

— О! Наверное, хороший автослесарь, если в Москве устроились?

— Да, не жалуюсь, что есть, то есть — руки растут, откуда нужно...

Надежда тонким-тонким лучиком затеплилась в ней. Солнце зашло, и на улице был тихий и той степени свежести летний вечер, когда все в человеке — и тело, и душа радуются жизни, ибо эта радость произвольно входит в него извне. Подобного ощущения не бывает ни в мороз, ни в жару, ни в духоту. Видимо есть некая летняя вечерняя температурная полоса, наиболее благоприятная для гармоничного состояния души. Вот и сегодня был именно такой вечер... Шелест шин редко проезжающих машин и шепот листвы как бы растворялись в лунном свете.

На миг ее застуженная душа развернулась в теплом порыве, и ей показалось, что она свободна.

«А может быть?» — подумалось где-то краешком сознания. Что-то еще от той молодой и почти беззаботной, несмотря на семейные трудности, девушки, осталось в ней.

— Ну, так что, прогуляемся?

— Да... только... сейчас! — она торопливо скрылась во дворе пивной.

Хозяин отъехал по делам. Дома была только дочь, так как мать тоже еще днем куда-то отлучилась. Магазин работал в поздневечернем режиме буднего дня — с одной продавщицей (остальные уже отдыхали в съемной квартире, где жили все вместе, ночуя на надувных матрасах). Она решилась...

Они шли по этому району Москвы — району станции метро «Красносельская», по «красносельским» улочкам, переулкам и тупикам. Он всю дорогу рассказывал о себе — о своем житье-бытье в Рязани и здесь, изредка задавал вопросы, но, замечая неразговорчивость, не настаивал.

С каждой минутой их знакомства в ней росло доверие к нему, и постепенно она становилась более откровенной. Рассказала о семье, о всех своих трудностях, почему уехала из Егорьевска, о своей работе — конечно, что могла, умолчав о самом плохом... И тут вдруг пот прошиб ее: «Да что ж это я делаю? Куда иду? А если хозяин сейчас вернется и начнет искать, что ж это будет?».

Он как будто прочел ее мысли.

— Ты мне нравишься,— говорит.— Давай, уходи с этой работы, иди ко мне, я зарабатываю, будем жить. Хозяева квартиры хорошие — пенсионеры, сами мне уже не раз говорили: «Познакомься с хорошей женщиной. Если она приезжая, приводи, мы не против, живите, и нам веселее будет». У них своих детей нет, всегда мечтали о дочери.

— Нет, так сразу я не могу,— проговорила она, а у самой в душе поднялось что-то снизу, затопило сердце, сжало горло, слезы стали застилать глаза. Но сдержалась. Подавила. Хотя хотелось крикнуть: «Забери меня, забери! Я так больше не могу!..»

«Господи, что же делать, помоги!» — взмолилась она.

В это время сзади послышался шум останавливающейся машины и топот ног бе-

гущего человека. Улица в этом месте была пуста, так как с одной стороны тянулся забор то ли предприятия, то ли каких-то складов, а с другой ничего не было, кроме жилых пятиэтажек. Они обернулись, и она обомлела — бежал Тимур, издали размахивая кулаками и что-то рыча, но что, разобрать было невозможно.

— Пойдем, как ни в чем не бывало, — сказал парень.

Они шли, но она затылком чувствовала приближение хозяина. Уже рядом топот его ног, тяжелое дыхание и ругательства. Они все же остановились и обернулись. Он тоже остановился, дико вращая красными от прилива крови глазами на выкате. Рядом стоял старый, выселенный и заброшенный двухэтажный дом с пустыми глазницами окон. От него шел тяжелый запах — на втором этаже ночевали «бомжи», а первый они, и не только они, превратили в отхожее место.

— Что вы хотите? — спросил молодой человек.

В ответ с какой-то остервенелой ловкостью хозяин выхватил из-под рукава кусок металлического прута и, что есть силы, не замахиваясь и не целясь, наотмашь ударил им парня по голове. Тот упал и не шевелился.

— Ах ты, сука! Бежать задумала? Ты еще мой хлеб не отработала!

Он нагнулся, схватил под мышки парня и толкнул его в пустой проем двери дома, прямо на грязный пол, в дерьмо, туда, где белели клоки бумаги, и плюнул вослед. Потом повернулся, ударом кулака свалил ее на тротуар и начал бить ногами, норовя попасть в грудь и лицо. Она извивалась, пытаясь закрыть голову, прижималась грудью к тротуару.

— Москвича захотела?!

— Он не москвич... — простила она.

— Не москвич? — переспросил хозяин, продолжая бить, однако уже реже. — Почему не сказала, сука?

Тимур остановился, подошел к машине, подъехал и, открыв заднюю дверцу, запихнул ее на сиденье.

— Если не москвич... — начал он и добавил. — Я бы его не бил!.. Почему не сказала?

Но она уже не слушала. Слезы тихо лились из глаз. Не было ни физических, ни душевных сил даже вскрикнуть. «Боже, сделай так, чтобы он остался жив!» — думала она, про себя повторяя это все время, пока они ехали.

Хозяин запер ее в кладовке, той самой, где сегодня, по привычке, имел ее. Собрав в кучу тряпки и ветошь, она рухнула на них и забылась тупым и глухим сном, случающимся у человека в безысходном горе, когда нет сил думать, дышать и просто жить.

2

— Просыпайся, доченька! — слышит она голос матери. — Настя, проснись!..

Мать собирается на работу, на завод. А ей пора в техникум. Чуть не проспала, вчера долго гуляли с парнем.

— Придешь с учебы, приготовь отцу поесть. Он как раз выспится после ночной смены. Я не успела... А, дочур? Вставай, пора в техникум! — Мать посмеивается, похлопывая своей пухлой доброй ладонью ее по щеке. От матери пахнет кофе и духами «Красная Москва».

Настя неохотно, потягиваясь спросонья, встает, целует мать в щеку и бежит в ванную...

В техникум она пришла минута в минуту.

— Куда Витьку подевала? Признавайся! — посмеивались на переменке ребята. Виктор пришел только к началу второй пары, проспал, наверное.

— Вить, ну, ты что? Я и то вовремя успела!

— Да, что-то не смог проснуться... — отшучивался он.

После занятий он пошел провожать ее до дома. Настя помнила обещание — накормить отца. По пути у них зашел разговор о будущей работе, ведь скоро окончание учебы.

— Кем хочешь работать после отработки?

— В автослесари тянет...

— Так у тебя же после техникума специальность будет?

— Ну и что?..

— Ничего что рабочим?

— Нормально... Хорошо бы в Москву податься, да кто меня ждет? Там своих хватает. Все же мы живем недалеко — два часа и там... А ты, Настя, что думаешь?

— И я здесь, на завод экономистом пойду. Расширяется завод, скоро производственным объединением станет. Экономисты нужны и еще нужнее будут, я узнавала. Опять же, зарплата хорошая и премия...

— Да что ты все о деньгах? Я и сам заработаю! Выходи за меня, а Настя?

— Подожди, подожди... Вот окончим техникум, устроимся, тогда. Комнату в общежитии получим, встанем в очередь на квартиру...

— А ты кого хочешь, мальчика или девочку?

— Ух, какой торопливый, — засмеялась она. — Девочку!

— А я — мальчика!

— Ну вот, видишь, Витя, уже раздор! Как замуж выходить? — и, смеясь, потрепала его по волосам.

Виктор притянул Настю к себе и крепко, сладко поцеловал. Свежий ветер зашевелил ее длинные, до плеч, светлые волосы. Повеяло цветущей сиренью... Но потом, почему-то, этот аромат сменился запахом пива и сигаретного дыма...

* * *

Она открыла глаза и увидела, что лежит в темной кладовой на куче тряпья. Дверь была открыта, и в проеме — фигура грузчика. Доносились голоса подвыпивших посетителей.

— Вставай!.. Хозяин велит приступать к работе, вставай, а то орать опять будет, не в настроении...

Она встала, поправила одежду, подошла к маленькому зеркальцу, приклеенному к косяку: на щеке, возле самого уха, и на лбу, недалеко от виска, были синяки. Она распустила волосы, чтобы незаметнее было, и пятерней расчесала их. Вслед за грузчиком вышла во двор, переделась у себя в каморке. Глаза ее были сухи и без единого проблеска жизни. Тупой взгляд окинул зал в поисках пустых кружек и мусора...

3

Виктор очнулся... Первое, что он ощутил, было зловоние. Когда глаза привыкли к темноте, и благодаря свету, проникавшему сквозь проемы окон и дверей с улицы, он увидел, что лежит на полу, сплошь усеянном фекалиями. Виктор с трудом приподнялся на руках, пытаясь встать. Он увидел, что одежда вся испачкана. Сильно болели голова и шея. Он вспомнил все, что произошло накануне...

Выйдя на улицу, Виктор нашел в урне газету и, кое-как обтершись, пошел домой. Хорошо, что была ночь, и по совершенно пустой улице он быстро дошел до своего дома, находившегося в двадцати минутах ходьбы от того злосчастного места. Душу терзала досада, что не сумел защитить девушку. «Вот, сейчас зайду к себе, смою с

одежды грязь, приму душ, переоденусь и пойду туда, к пивной, найду ее и заберу. Не оставляю ее там, что бы ни было!» — решил он.

Хозяева спали, и Виктор все потихоньку сделал... За окном уже светлело, начинался ранний июльский рассвет. «Нужно торопиться», — решил он, и, пока еще ранний час, вышел из дому, прихватив на всякий случай необходимый слесарный инструмент.

Район этот Виктор знал хорошо, а потому дорогу нашел быстро... Все двери были закрыты на замки. Но, вспомнив ее слова о каморке во дворике между пивной и магазином, он сориентировался и нашел две двери: одну, металлическую, и другую, деревянную. Для верности Виктор тихо постучал в деревянную. Тишина. Он постучал еще раз, понастойчивее. В ответ из-за металлической послышался голос:

— Кто там?

— Это я!

— Ты? — удивилась она, а это была она, ее голос он уже не спутает ни с каким другим.

— Да, я нашел тебя и больше никогда не потеряю!

Настя молчала.

— Сейчас открою замок, — Виктор порылся в сумке, нашел большой гвоздь и с помощью пассатижей необходимым образом согнул его. Замок был обычный: большой навесной (такой раньше называли амбарным), и он, поковырявшись, открыл его — недаром в свое время был слесарем пятого разряда.

Настя, смущаясь, вышла из кладовой, куда ее, голодную, хозяин снова запер после работы, и открыла ключом свою, рядом находящуюся, каморку. Виктор вошел следом за ней и закрыл дверь. Сквозь высоко расположенное над дверью окно проникал свет уже вовсю разгоревшегося утра. Настя, отворачиваясь от него, поправила на себе помятое платье. Он отметил — в каморке царил идеальный порядок.

Виктор подошел к Насте и, осторожно взяв за локти, повернул к себе. Заметил синяки на лице.

— Все! Немедленно уходим!

— Куда?

— Ко мне! Я не позволю тебе больше здесь находиться!

— А вещи?

— Возьми самое-самое необходимое, остальное купим. И нужно побыстрее, пока никто еще не проснулся.

Настя бросила в сумку несколько вещей, положила пару самых, наверное, любимых книг, сняла икону.

— Давай закроем кладовку на замок, чтобы не так быстро хватились меня, — предложила она.

Когда подошли к открытой двери кладовки, Виктор заметил в углу канистру. Подошел, открыл — там был бензин.

— Подожди!

— Что ты хочешь делать?

— Подожду их всех к чертовой матери!..

— Не нужно! Зачем?!

— Как зачем?!.. И она еще спрашивает? Они избивают ее, превратили в бесправную рабыню, всю жизнь исковеркали, а она еще спрашивает — зачем?

Настя подошла к Виктору, положила свою руку с правильными тонкими пальцами на его державшую канистру руку.

— Не надо!.. Жалко их — дети малые, старики... Да и, вообще, жалко, люди ведь... — сказала она, второй рукой взяла канистру и поставила ее на место.

Елена Семенова
(г. Москва)

АЙСЕДОРА

Семенова Елена Владимировна — писатель, поэт, публицист, драматург. Редактор литературно-общественного журнала «Голос Эпохи» (Москва), интернет-портала «Архипелаг Святая Русь» и ряда сайтов, посвященных белому движению. Автор 10 изданных книг. Специализируется на истории белого движения и первой половины XX века отечественной истории. Главный труд Елены Семеновой, ставший плодом десятилетних исследований — трехтомный историко-документальный роман «Честь — никому!», охватывающий практически всю историю белой борьбы с 1918 по 1920 гг. Также широко известна работа «На этнической войне», посвященная притеснению русских в национальных республиках бывшего СССР. Родилась и проживает в Москве. В «Приокских зорях» печатается впервые.

1

Они встретились в самую горячую пору той войны, когда неудержимой лавиной немец катил на Москву, и всякое русское сердце замирало, как когда-то в 1812-м, от мысли: «Неужели и в этот раз оставим столицу?!» Лейтенант Брагин был доставлен в полевую госпиталь с тяжелым ранением. Он потерял много крови, и требовалось срочное переливание. У нее оказалась та же группа... Впрочем, и без того было много в них схожего. Оба совсем молодые (ему — 24, ей и 18-то нет еще, девочка), оба с первых дней на фронте (он — в пехоте, она — санитарка), оба красивые и безумно жаждущие жить, оба — с не терпящей сомнений, одной на всех верой — победим! Их положили рядом. И, когда лейтенант открыл глаза, то увидел перед собой ее бледное, обрамленное черными волосами лицо, с неотрывно глядящими на него синими, бархатными, широко распахнутыми глазами.

— Как вы чувствуете себя? — прозвенел ее голос-колокольчик.

— Теперь точно жить буду, — преодолевая боль, улыбнулся он.

— Непременно будете... — голос ее долетал до слуха лейтенанта словно издали, хотя она была совсем рядом. Он вдруг почувствовал, что сознание вновь оставляет его, и успел лишь спросить:

— Как вас зовут?

— Айседора... — донеслось еле слышно.

Очнулся Брагин уже в другом госпитале и почти физически ощутил новую, горячую кровь, струящуюся по его жилам, ее кровь. Айседора... Какое странное имя! Что-то есенинское в нем... Ах, да, конечно, есенинское... Где-то теперь эта девочка? Надо будет непременно найти ее потом, после войны, найти и поблагодарить...

Все последующие годы он не забывал ее. Девочка с «есенинским именем» прочно поселилось в сердце лейтенанта.

Вскоре после выписки из госпиталя Павел Брагин был переведен на Южный фронт. Здесь получил второе ранение — осколком в голову. Едва остался жив. Несколько месяцев госпиталя и катастрофа со зрением: один глаз перестал видеть вообще, второй едва различал предметы. Из армии списали, и началась новая жизнь, в которой еще предстояло найти себя.

Павел Брагин происходил из терских казаков, а потому эти края были ему родные. Решил и остаться здесь, в Грозном. Снял комнату у вдовы погибшего под Сталинградом майора, голодавшей теперь с дочкой-старшеклассницей, которая из-за войны не успела окончить школы. Брагин, до войны окончивший физмат в Ростове-на-Дону, по вечерам занимался с девочкой, чтобы помочь ей наверстать упущенное, и даже предложил ей:

— Вот, кончится война — отвезу тебя в Москву, поступишь в институт... Эх, Москва, Москва! — вздыхал. В столице он прожил месяц как раз перед самой войной, гостил у тетки. Ходил по городу — глаза разбегались. Какой же прогресс здесь во всем! Метро одно чего стоит! А в станции дед едва концы с концами сводит. Голодно! Ну, ничего! Скоро и в деревнях такая жизнь будет! Машины будут, все! Правда, теперь Павлу чаще вспоминалась другая Москва. Та, из которой уходил он в ноябре, та, которая провожала своих сынов, веря, что заслонят они ее и не пропустят врага, та, молчаливая, сосредоточенная, но живая! И парад... И Сталин на трибуне. А наряды со всем этим вспоминался Брагину зимний день, пропахший бинтами и лекарствами, госпиталь, бледное личико с синими глазами... Айседора! Он не мог забыть ее, писал в разные инстанции, пытаюсь найти молодую санитарку со странным именем. Но она словно растворилась в воздухе. Да жива ли? Все-таки война. Но об этом как-то уж совсем не хотелось думать. «Не жалею, не зову, не плачу...» Есенин запрещен теперь. Но тайком, про себя в ночной темноте как не вспомнить любимых строк? Есениным Павел восхищался с юности, даже сам писал стихи, пытаюсь подражать любимому поэту. Обладая прекрасной памятью, Брагин многое помнил наизусть. Много придумали теперь для борьбы с крамолой: запрещают книги, изымают из библиотек... Только против памяти еще не приноровились. Ее так просто не изымешь...

А надо было как-то устраиваться. Да куда возьмут полуслепого? Но зря, что ли, учился он? Вот, и Леру, дочку хозяйкину подготовил... Можно учительствовать попробовать. Неужто не возьмут? Возьмут, с руками даже оторвут! И стал Павел Николаевич преподавать физику и математику в одной из грознинских школ, куда перешла учиться и Лера.

В 1946-м году Павел Николаевич засобирился в Москву, на годовщину Победы. Может, кого из однополчан встретить удастся. Да и Москву повидать большая охота! Какая она теперь, столица-то? Чем живет? А Лера окончила школу с золотой медалью. Пора держать слово: показать девочке Москву. Институт-то выбрала она поближе, все в тот же, родной, ростовский. Поехали, однако, вместе.

Жила Москва! Пела! Цвела! Водил Леру на Красную площадь, в Большой театр, в Сокольники... Встретились и однополчане. Васька Кривошеин да Денис Дударев. Радости было! Завидовал им немного. До Берлина оба дошли. Вон, и медали за взятие горят на солнце победным блеском. А ему, вот, не привелось... Дударев женился недавно. Теперь оседлая жизнь, семейная. С женой познакомился в госпитале. Медсестра. Теперь на врача учится. И снова вспомнилось Павлу то, давнишнее, издали донесшееся — Айседора...

Лера по-детски радовалась всему. Иногда стыдилась, что многого не знает да и одета совсем не так, как здесь, в столице ходят... Павел вдруг заметил, что она удивительно повзрослела за последний год. Была девочка-подросток, угловатенькая, худенькая, а теперь экая красавица! Казачка! Впрочем, он бы и не заметил, и долго бы считал

еще свою ученицу ребенком, если бы не Васька Кривошеин, большой знаток женщин... «Ты, что ж, балда, не видишь, как она глядит на тебя? Не упускай! Другой такой не найдешь!» Он и впрямь не видел. А после васькиных слов поглядел на Леру совсем другими глазами, и как-то странно дрогнуло сердце. Она ведь точно, влюблена в него... И давно. Мгновенно перед глазами пронеслись последние годы. Как же он не замечал ее? Не понимал ее чувств? Слепец! А ведь и хороша она! Густые темно-русые волосы, смуглое смешливое лицо, стройное, красивое тело... И такая ясная улыбка!

И вдруг совсем некстати вспомнилась Айседора. Как же она? Но, в конце концов, не ждать же ее до самой смерти! Может, и в живых ее нет. А, если жива, где искать? Да и была ли она? Не видение ли она из бреда тяжело раненого человека? Не сон ли? А Лера рядом, живая, настоящая, любящая... Верно Васька сказал — другого такого случая не представится! Если теперь потеряет ее, не простит себе по гроб жизни!

На обратном пути сделал ей предложение. Бросилась на шею, расплакалась, как ребенок... Милая, любимая, единственная... Мать ее, давно и тяжело болевшая, была счастлива, что теперь может оставить дочь в надежных руках. Скоро и поженились... Лера перешла на заочный и на время сессий уезжала в Ростов, а он остался в Грозном, преподавать в своей школе, где пользовался огромным уважением и коллег, и учеников. А она писала письма. Каждый день. И он отвечал. Все эти письма хранились потом в специальной шкатулке, как семейная реликвия. Шкатулка была большая, музыкальная, старинная. Ее когда-то лерин отец подарил ее матери на годовщину свадьбы. А теперь, после смерти последней, она осталась Лере. Шкатулка играла какую-то очень красивую мелодию. Вроде похожую на вальс. А, может, и иное что-то. В музыке начисто лишенный слуха Павел был не силен. Зато Лера ее обожала. Шкатулку она открывала по особо торжественным дням: слушали музыку, перечитывали письма... Так потекла мирная, спокойная и размеренная жизнь.

2

То, что Юрочка музыкально одарен, решила его бабушка, Ирина Антоновна, и вынесла вердикт: быть внуку пианистом! Вначале занимался в музыкальной школе, но позже, для лучшего усвоения, тем паче, что в летние дни школа не работала, на семейном совете решили нанять мальчику педагога. Семья Юрочки была довольно состоятельна, поскольку отец, Дмитрий Андреевич, работал на высоком посту во Внешторге. Наняли преподавательницу из консерватории, молодую, красивую женщину лет тридцати-тридцати трех. Она владела несколькими музыкальными инструментами, прекрасно пела, имела несколько призов всесоюзных конкурсов, вдобавок ко всему в совершенстве знала французский язык. И Дмитрий Андреевич, будучи человеком расчетливым порой до мелочности, решил воспользоваться этим и сэкономить. Путь преподает заодно и язык. За доплату, конечно... «Мадемуазель», как окрестила учительницу Ирина Антоновна, предложение приняла с радостью. Под ее чутким руководством мальчик делал поразительные успехи в обоих предметах и через два года одержал первую победу на одном из музыкальных конкурсов.

В этот летний день, ожидая прихода учительницы, Юрочка упоенно долбил по клавишам, разучивая очередное произведение боготворимого им Моцарта. Внезапно перестав играть, он повернулся к матери и заявил:

— Когда я вырасту, я на ней женюсь!

— На ком? — удивленно приподняла брови Варвара Сергеевна.

— На Айседоре Александровне! Она такая красивая, мама!

— Сынок, она, конечно, очень красивая... Но пойми, мой дорогой, когда ты вырастешь, она будет уже почти в годах твоей бабушки. И станет не такой, как теперь.

— Она все равно будет красивой!

— Сыночек, время всех меняет. Ты видел фотографию бабушки в молодости?
Вот. Большая разница, не так ли?

Юрочка задумался, вздохнул и решил:

— Ну, раз так, тогда я найду девочку, похожую на нее и женюсь на ней!

— Нос у тебя не дорос думать об этом! — погрозила пальцем мать.

В этот момент раздался звонок в дверь, и Варвара Сергеевна, еще раз строго взглянув на сына, пошла открывать. Юрочка сразу почувствовал запах ее духов, такой тонкий и нежный... А вот и она сама всплывает в комнату, как видение, как что-то неземное, почти не касаясь стопами пола... Айседора Александровна буквально поразила впечатлительного мальчика своей красотой. Впрочем, красота эта поражала всех. Хотя, несмотря на это, ее обладательница в свои на самом деле тридцать четыре года была не замужем. Высокая, с безупречными формами женщина, Айседора Александровна обладала прекрасным вкусом, а потому умудрялась одеваться не хуже известных актрис. Вот и теперь на ней светло-серый костюм: блузка и плиссированная длинная юбка с темным широким поясом, подчеркивающим осиную талию, и легким шарфом, небрежно обвитом вокруг стройной шеи. Черные волнистые волосы рассыпаны по плечам, а длинные ресницы придают синим глазам бархатную матовость. А еще руки, изящные и теплые, и голос... Голос у Айседоры Александровны был звенящим, как ручей, хрустальным. Она говорила нараспев, зачастую вставляя в свою сочную речь какие-то чудные народные обороты. И нынче, входя, с порога:

— Ну, соколик, как твои успехи?

— Хорошо, Айседора Александровна! — выдохнул Юрочка.

— Хорошо? Сейчас послушаем! На чем мы остановились? Моцарт... Ну, что же, играй, светик мой.

— Айседора Александровна, а, помните, вы обещали сыграть в четыре руки?

— Раз обещала, сыграем! Вот, исполнишь теперь без ошибок, и сыграем!

Конечно, без ошибок! Он и раньше редко их допускал, а ради такой награды... Она сидела рядом, внимательно вслушиваясь в его игру, кивая головой.

— Замечательно! Ты, солнце мое, вундеркинд, как говорят немцы. Великим пианистом будешь! Может, и меня тогда, старуху, добрым словом вспомнишь!

Вот, и она про старуху... Ну, как это можно? Разве она может состариться когда-нибудь? Она всегда будет такой! Замечательной! Так и выпалил ей:

— Вы не будете старухой! Вы всегда будете молодой и красивой!

Айседора Александровна рассмеялась, поцеловала его в голову:

— Спасибо, соколик! Да только время — вещь неумолимая. Ладно, давай играть в четыре руки. Я же обещала!

Они сидели рядом и играли... Теперь уж и не вспомнить что. Но как это было чудесно! И ее пахнувшие каким-то душистым цветком волосы касались его лба, а аромат духов приятно щекотал ноздри. Как сладко! Ах, если бы можно было вечно так играть... А еще он сопровождал ее. Она пела романс... Кажется, «Не уходи», а потом «Выхожу один я на дорогу...». На эти домашние концерты собиралась обычно вся семья. Бабушка, большая ценительница, даже плакала иногда.

Потом она вышла замуж и уехала в Петербург. Преподавала там. Юрочка даже писал ей туда. Она отвечала... Позже, уже окончив школу и поступив в консерваторию, он все собирался съездить к ней, навестить. Но не ехал. А однажды, будучи с друзьями в северной столице, зашел по ее адресу. Но никто не открыл. Видимо, никого не было дома. Юрочка не очень опечалился тогда. Может, и к лучшему. Она теперь уж не та, должно быть. И пусть лучше останется в его памяти прекрасным видением из детства. Да и у Юрочки теперь есть уже другая. Его сокурсница, скрипачка, совсем не похожая на Айседору Александровну...

...Снова грохот. И опять, и опять... Сыплются бомбы на город. Российские бомбы на российский город... Сколько дней продолжается эта страшная, непредставимая, чудовищная канонада? Он не знал. Здесь, в каменном мешке подвала счет времени утратился окончательно, нет больше никаких сроков, а есть лишь несмолкающий грохот и боль, от которой спасло бы только безумие, но оно не приходило, как ни странно, хотя пора бы. Ах, для чего не лишился он разума, как бедная Сонюшка, соседка. Счастливица! Она сидит теперь в этом же подвале, где-то в уголке и бормочет что-то, а то петь начинает или смеяться. Она не здесь уже. Где-то в другом краю. Да все, таящиеся тут, разве здешние?! Живые?! А, может, смерть пришла уже? И это — ад? Ад... А есть ли он, этот самый ад? Или врут про него? Господи, да к чему нужен ад, когда есть все ЭТО?! Чудовищное, не поддающееся описанию? Неужто же может быть что-либо страшнее еще? Темно как, темно... А, может, он просто ослеп. Совсем ослеп... Что ж, не так-то уж плохо. Ослепнуть, оглохнуть... Чтобы не видеть и не слышать всего этого ужаса! Для чего он жив теперь? Что за очередная издевка судьбы? Дом, где он прожил всю жизнь, уничтожило в первый день бомбежки. И ему бы почить под руинами... Ан нет! Волею какой-то нелепости был он тогда не там... Все смешалось в памяти. Как оказался он в этом подвале? Помнится, подхватили чьи-то руки: «Пал Николаич! Живой?! Слава те, Господи!» Не узнал спасителя своего, а он, сведя его в этот подвал, убежал куда-то. Жив ли? Опять Сонюшка поет что-то... И как ей было не сойти с ума? Ночью ворвались к ней бандиты, те, что теперь прозвались властью, Варю, мужа убили, дочь увезли с собой... Какое же счастье, что свою единственную дочь, Варю, с внуком успел он еще в 90-м, чуя недоброе, выпроводить в Сталинград (Волгоград по-нынешнему) к старому другу Денису Дудареву... Как-то теперь она? Писем уже больше года никаких. Да и какие теперь письма? Война кругом... Сколько знакомых за это время потерял. Кого убили, кого из республики выслали, отобрав предварительно все нажитое. Страшно умирать, а жить еще страшнее сделалось. Вот-вот, придут и к тебе, и держись тогда! Что им, этим волкам, откуда только взявшимся, до заслуг твоих? А ведь среди них и офицеры бывшие есть, и даже «интеллигенция». Что же это случилось такое? Какая дьявольская сила обратила их вдруг в убийц, в бандитов, в нелюдей? Была одна на всех родина, а теперь нет врага злее, чем бывший «брат». Вот и редактор газеты местной, Умаров, чуть началась вся эта заваруха, напялил на себя форму, повязку черную, бороду отпустил — слуга аллаха! А пять лет назад еще коммунистом был, членом партии... атеистом... Эх ведь оборотился! И сколь теперь этих оборотней! Нет, пожалуй, есть все-таки дьявол... Или шайтан. Все равно! Он-то и заправляет теперь. Иначе как объяснить хотя бы и эту бомбежку? С ума они посходили, что ли? Кто, какими движимый мотивами, отдал такой приказ? Обезумели! Неужели не ведают они, сколько в городе осталось русских? Те-то все заранее побеспокоились, драпанули из города. А свои, русские, недобитые еще бандитами, измученные и преданные всеми, остались! И теперь на их дома, на их головы падают бомбы! Русские убивают русских... И вот он, ветеран войны, почти слепой прячется в этом погребе от СВОИХ. Свои... Где теперь свои? Есть ли? Боже мой, где, где видано это? Неужели же была когда-то Победа? Май 45-го? Парад? Москва?... Москва, должно, и теперь есть. Только не та Москва. Чужая Москва. Еще более чужая, чем иная какая страна. Там-то теперь главный враг. Там-то... Оттуда льется яд всегубительства... А, может, уж и Москвы нет? И ничего нет? И не было? Но ведь было же! Ничего не спас он из имущества разрушенного дома, но ордена остались! Он самые дорогие в последнее время носил на груди. Их не видно теперь во тьме, но руками нащупать можно: Победы, За Оборону Москвы, Красного

Знамени... Все, что осталось... А откуда-то из памяти недавнее совсем: первое сентября 90-го года... Школа, торжественная линейка, цветы, детские беззаботные лица, и он, директор, выходит с приветственным словом... Где теперь эти дети? Что будет с ними? И первого сентября нет больше... И школы. Ее тоже уничтожила бомбежка. И Леры нет... Умерла год назад. Не выдержала всего этого, заболела... Горевал тогда, а теперь, кажется — слава Богу! Хотя теперешнего ужаса не видеть ей! И ему уж недолго. Когда же кончится эта канонада? Невыносимо слушать раскаты ее, невозможно...

В какой-то момент наступила тишина. Когда случилось это? Бог весть. И подвал зашевелился. Как-то сразу ожил. Стали выбираться наверх. Еще и не ведая, что там, но, чувствуя, страшнее уже ничего не будет. Спешили к своим разрушенным домам с тайной мечтой, что хоть что-то осталось, что-то удастся найти на развалинах. С чьей-то помощью выбрался и Павел Николаевич. Нет, зрение еще при нем. Видит он свет, какие-то силуэты неясные — более ничего. Остановился, как вкопанный, вслушиваясь. Мотор загудел... Танки идут. Наши... А откуда-то донесся запах походной кухни. От него замутило даже. Русская речь слышна. Там переругивается кто-то... Солдатики наши?... Стоял Павел Николаевич, как вкопанный, в трех шагах от руин своего дома. Вдруг из развалин донеслась тихая, хрипящая мелодия. Павел Николаевич вздрогнул: неужели цела шкатулка? Все уничтожилось, а она цела? Последнее, что осталось у него? Надо же забрать ее, забрать, в память о Лере, о той жизни, что была когда-то и которой не будет уж никогда впредь. Павел Николаевич, спотыкаясь и шатаясь, двинулся к развалинам. Кто-то догнал его, удержал:

— Ты куда, отец? Расшибешься ведь! — молодой голос с хрипотцой.

— Ш-шкатулка... — прошептал Павел Николаевич. — Музыка...

— Твоя, что ли? погоди, отец! Постой здесь! Сейчас принесу! — шум удаляющихся шагов, спешливых, темный силуэт впереди. Солдатик наш, должно быть...

Через несколько мгновений солдат вернулся и всучил Павлу Николаевичу шкатулку:

— Держи, отец! Ты иди к костру! Сейчас каши с тушенкой наварим!

Павел Николаевич покачал головой, глянул невидяще на шкатулку:

— Вот, она жизнь-то моя... — прошептал и заплакал.

4

Юрий Дмитриевич Вершинин раздосадовано захлопнул дверцу своей роскошной иномарки. Как не вовремя сломалась! А его ведь ждут на приеме! В честь него, кстати говоря, и устроенном. Еще бы! Знаменитый пианист после десяти лет пребывания за границей почтил родину визитом! Приехал в рамках мирового турне! Газеты рвут на части, банкеты в честь его персоны — встретили, как национального героя! Москва, сколько лет — сколько зим! Изменилась столица, да... Ну, Бог с ней с машиной. Тут уж недалеко. Можно и на метро... А что? Тряхнуть стариной в самом деле! На соотечественников глянуть... Хотя... не всегда приятное зрелище, прямо скажем. Издерганные все, усталые. А он в своем шикарном костюме и дубленке, роскошный барин... Почти неприлично теперь выглядеть так благополучно.

И все-таки Юрий Дмитриевич спустился в метро,дохнувшее в лицо чем-то неприятным, тяжелым, удушливым. Идя по переходу, Вершинин старался смотреть себе под ноги. И зачем это он частника не взял? Вдоль стены вереницей стояли, сидели, лежали люди. Его соотечественники. Русские люди. Воины-афганцы, старухи, дети, ветераны войны... Нищие! Вот и посмотрел. Юрий Дмитриевич брезгливо морщился, стараясь идти как можно быстрее. И все-то руки тянут... Кажется, только к нему, к нему одному... Откуда только взялось их столько? В одночасье? Уже почти миновав переход, он таки поднял глаза и увидел сидящую на полу старуху. Маленькая, изможденная, с ли-

цом тонким, бледным, с запавшими щеками и глазами и редкими прядями седых волос, выбивающимися из-под платка и падающими на землистого цвета лоб, она была одета в старенькое пальто, на ногах — какие-то обмотки и старые, разбитые сапоги. Перед ней на расстеленной на полу газете лежало несколько книг и... медаль «За оборону Москвы». Руки старухи были красными и распухшими. От холода? Или больна? Глаза закрыты. Вершинину даже показалось на мгновение, что она мертва уже... Но нет, дышит. Юрий Дмитриевич порылся в бумажнике вытянув довольно крупную купюру, сунул ее старухе прямо в распухшую руку (из шапки стащат еще...) и уже сделал шаг в направлении лестницы, как вдруг услышал позади себя произнесенное усталым, далеким, но еще чистым голосом такое до боли знакомое:

— Спасибо, соколик...

Вершинин почувствовал, что его бросило в холодный пот. Он медленно, с трудом обернулся и увидел глядящие прямо на него большие, слезящиеся, но не обесцвеченные безжалостным временем синие-синие глаза. Ее глаза...

— Айседора Александровна?..— еле вымолвил Юрий Дмитриевич.

Бескровные губы старухи дрогнули в слабой и горькой улыбке:

— Здравствуй, Юрочка.

Ему хотелось бежать прочь от этого кошмарного видения, этого призрака, но он отчего-то оставался стоять перед ней, как вкопанный, и лишь выдавил:

— Как же это, Айседора Александровна? Как же вы?..

— А ты, Юрочка, подойди теперь ко всем,— старуха кивнула в сторону,— и спроси их как. Они тебе много интересного порасскажут. А мне и рассказывать нечего. У меня все просто и обыденно...

Вершинин стыдливо вытащил еще одну купюру, но Айседора Александровна отстранила его руку:

— Мне лишнего не надо, соколик. Ты вон пойди и отдай их женщине той, что с мальчонкой на руках. Ей его кормить нечем. А мне все помирать...

— Да что вы говорите такое! Да я теперь же... Я мэру... Я...

— Оставь, милый,— Айседора Александровна взмахнула рукой.— Не дергайся. Я все одно помру через две недели. Молчи! Я это знаю совершенно точно. Наверное знаю. А посему иди своей дорогой и лихом не поминай. Иди, соколик! Бог с тобою,— последние слова она выговорила с заметным трудом и снова закрыла глаза, словно погрузившись в забытие.

Вершинин повернулся и почти бегом вылетел из метро. Оказавшись на улице, он вдохнул морозного воздуха и потер лоб снегом. Взглянул на руку — в ней купюра. Надо было отдать той женщине... Но не возвращаться же теперь уже! Убрал назад в портмоне. Юрия Дмитриевича жгла обида. Обида на Айседору Александровну... Как она могла дойти до такого? И угораздило же встретить... Все эти годы она жила в его душе таким светлым и радостным видением счастливого детства, а теперь что? Теперь будет жить иное видение, страшное и безжалостное... Вершинин потрянул головой, словно стараясь выкинуть из него навязчивый образ. Ах ты, елки! Ведь прием вот-вот начнется, а он стоит тут! Господи, какое счастье, что завтра он улетает опять во Францию, к милой Мари, прочь из этой страны, от этих изможденных людей, нищеты и мрака! Завтра он сядет в самолет, в салон первого класса, где будут подавать ему черную и красную икру, и улетит в Париж! Милый Париж! Как он прекрасен! Особенно в сравнении с этим, прямо скажем, оскорбляющим эстетическое чувство всякого интеллигентного человека миром «униженных и оскорбленных»! Прочь! Прочь отсюда! В Париж! А затем на гастроли в Рим, Лос-Анжелес... Все-таки ужасно замечательная штука жизнь! Подходя к зданию, где ожидали его высокопоставленные почитатели, Вершинин окончательно развеялся и повеселел. Жаль только детского прекрасного воспоминания...

Роза Нарышкина

(г. Алексин)

ПОСЛЕДНИЙ АККОРД

По профессии учитель русского языка и литературы. Окончила Тульский педагогический институт имени Л. Н. Толстого, многие годы, работая в школе, воспитывала в детях любовь к русскому языку и литературе. В 2002 году стала лауреатом первого алексинского фестиваля поэзии и бардовской песни, публиковалась в местных газетах, в изданиях «АЛЛО», в областных сборниках стихов. Имеет два авторских сборника стихов. В настоящее время пишет рассказы на бытовые темы.

Она увидела его случайно, на празднике 8 Марта. Звучала музыка ушедших времен, в толпе отдыхающих они встретились взглядом — и что-то щелкнуло, зацепилось и потом уже не отпускало.

Прошла зима. На дворе зажурчали веселые ручейки, забегали по обочине дороги юркие воробьишки, зазеленели травы — оживление в природе наполняло сердце вдохновением. Ольга сидела на диване в задумчивости, вспоминая свое нелегкое прошлое, хотя о чем жалеть? Ведь любила же она, любила преданно и страстно! Что говорить, когда его уже нет, год назад она узнала о его кончине и горько заплакала, навсегда прощаясь с прошлым. Неожиданно раздался телефонный звонок, прервав тревожные мысли.

— Здравствуйте, Ольга!

— Добрый день!

— Мы мало знакомы. Хочу встретиться с вами, поговорить.

— А что случилось? — с удивлением спросила она.

— Это не телефонный разговор. Жду вас в нашем парке.

— Ладно. Сейчас буду, — пообещала она.

Отчего она согласилась на эту встречу? Что это? Зов сердца? Опять волнения? Все было в прошлом: и первая любовь, погибшая от разочарований, и страдания измученной души. И все же ее понесло туда, к месту встречи, где он ждал ее с нетерпением и робостью: вдруг передумает и не придет.

Но она пришла, и сердце затрепетало пойманной птицей, а глаза распахнулись синевой неба — он протянул к ней руки и, обняв за плечи, выдохнул:

— Я люблю вас! Милая не отталкивайте меня, живу с надеждой на взаимность.

— Вы же меня видели всего два — три раза! — удивилась она.

— Я полюбил вас в первую нашу встречу!

— Так бывает? — улыбнулась Ольга, коснувшись его теплой руки.

— Как видите, еще как бывает, — тихо сказал Сергей.

Было начало мая. В воздухе запахло распутившейся сиренью, растущей вдоль тропинки, по которой они пошли, взявшись за руки. И на сердце становилось легко-

легко оттого, что рядом шел синеглазый мужчина, довольно еще молодежавый, крепко сложенный и высокий. Ольга почувствовала себя юной девушкой, не осознавая еще, что, возможно, эта встреча станет западней и вырваться из нее будет не так легко. «Что я делаю? Опять в моей жизни появился мужчина?» — с волнением подумала она, продолжая идти, держась за его крепкую руку.

— Как вам живется в России? — спросил Сергей.

— Хорошо. Мои детские годы и юность прошли здесь, на тульской земле, — улыбаясь, сказала Ольга.

— А в браке были счастливы?

— Вначале да, потом было всегда плохо, — с грустью ответила она.

— Теперь мы оба свободны! Дети давно взрослые, мы имеем право на новое счастье. Вы согласны, Оля?

— Вполне!

— Ближится праздник Победы. Давайте встретим его вместе!

— Где и когда? — с робостью спросила она, опустив зеленые глаза.

— У меня на даче. Там сейчас зацвел сад. Очень красиво! Седьмого мая в 10 часов утра я буду ждать вас, Оля! Придете?

— Я приду, — спокойно сказала она, падая в омут васильковых глаз.

2

Утро, ясное и прохладное, пробудило ее внезапно. Она не могла понять, где она и что с ней происходит. Сон, такой неожиданный, напомнил ей, как она была счастлива и любима. Он редко ей снился, а сегодня, накануне новой встречи, опять пришел к ней во сне, как бы ревнуя и предупреждая об очередной ошибке. Она лежала в постели, прокручивая воспоминания о том, кого она с печалью в сердце оставила там, в ближнем зарубежье, никогда не забывая его.

Ольга встала довольно рано, сделала, как всегда, зарядку («привычка свыше нам дана»), выпила чашку кофе и, одев легкую курточку и брюки, решила на встречу. Подходя к дачам, она заметила Сергея, стоявшего на узкой тропинке, ведущей к скромному домику, утонувшему в цветущем саду. Слегка улыбаясь, он взял ее за руку и повел в дачное жилище. Это были две маленькие комнатки: веранда, где стоит стол и два стула, и, так сказать, спальня для отдыха. Ольга огляделась, вдохнула запах сирени, ветки которой смотрели в раскрытое окно, и засмеялась.

— Как славно у вас здесь! — воскликнула она.

— Я рад, что вам нравится, — обнимая ее за плечи, нежно улыбаясь, сказал Сергей.

Они смотрели в глаза друг другу: что это, судьба? Отчего ей так хорошо, ведь они едва знакомы?

— Олечка, у меня небольшое угощение, прошу к столу.

— Спасибо за внимание, Сергей Иванович. Фрукты, шоколад — это очень приятно, но коньяк... в меру, могу немного за праздник и нашу встречу.

— Вот и хорошо. Угощайтесь!

Сергей волновался, и это состояние души отражалось в напряженном взгляде синих глаз. Как долго он ждал этих мгновений, когда он сможет обнять эту женщину, стать ее другом и возлюбленным. Ее зеленые глаза притягивали, манили, заставляли порой страдать, думать о ней ночами, и вот... она уже так близка. Он вдохнул запах ее волос, стал неистово целовать эти желанные губы, крепче прижимать к себе, потом взял ее на руки и внес в спальню. Ольга была в его власти; как замороженная позволила раздеть себя и целовать. Он любовался ее спортивным телом, еще молодым и желанным, потом приник губами к ее груди, словно ребенок. Ольга впервые познава-

ла радость и счастье в близости с мужчиной, чувствуя, что уже не уйдет, даже если погибнет. «Что это? Неужели любовь? Разве так бывает?» — спрашивала она себя, закрывая глаза и улыбаясь.

— Милая, я счастлив! — воскликнул Сергей. — А ты?

— Я же пришла. Мне тоже хорошо с тобой, — сказала она, зарываясь в поросль его широкой груди, краснея отчего-то.

— Я люблю тебя давно, но не смел подойти и объясниться...

— Как странно... Обычно женщина чувствует это..., а я...

— Ты не могла, потому что я скрывал свою любовь, да мы и не виделись с тобой, у каждого своя жизнь.

— Что теперь будет с нами? — с тревогой спросила Ольга.

— Все у нас будет хорошо! — воскликнул Сергей, привлекая ее к себе.

Встречи продолжались, но были они редкими, и она подумывала уже прекратить их, разумеется, ревнуя к той, которая существует и отнимает его у нее, но он снова звал к себе, и она погружалась в омут страсти.

Однажды он не позвал. Прошел месяц — другой, а он не появлялся, не звонил, становилось пусто и неуютно жить. И все же ждала с замиранием сердца, поняла, что без него ей будет плохо, как в былые времена, когда приходило разочарование от несостоявшейся любви. «Где ты? Что с тобой случилось?» — спрашивала она, будто он мог ее услышать. И такая тоска навалилась на сердце, что невольно становилось жить, дышать; слезы, горькие слезы брызнули из ее зеленых глаз, она сидела в задумчивости, окаменев от навязчивых мыслей. Она ничего не знала о его прошлом. Да, было два брака, живут где-то сын и дочь, свои уже семьи, а он... по-прежнему один, свободен, как сказал при встрече. Может быть, вернулся в семью, к детям? Нет, надо что-то делать! С ума можно сойти от неизвестности!

3

Сергей Михайлов работал в небольшой фирме, являющейся связующим звеном между заводами и мелкими предприятиями. Фирма давала небольшой доход и моральное удовлетворение. Ольга с уважением относилась к его деятельности, ценила его трудолюбие на склоне лет, просто любила и не задумывалась о том, что когда-нибудь его не станет в ее жизни, неважно по какой причине, просто не придет и придется учиться жить без него. И вот сейчас это «когда-нибудь» наступило, она с печалью осознавала, как трудно будет без него, без его ласковых рук, без дурманящих васильковых глаз, нежно смотрящих на нее.

А он не звонил, не появлялся. «Как же так? Отчего плохо?» — говорила она себе и не могла примириться с разлукой. Одиночество пугало ее.

Однажды, когда уже не было сил ни думать, ни ждать, раздался телефонный звонок:

— Алло! Любимая, это я, твоя потеря! Хочу тебя видеть!

— Здравствуй! Долго ты собирался, чтобы позвонить.

— Прости. Все объясню при встрече, хорошая моя. Жду у себя.

— Я приду, — тихо сказала Ольга и отключила мобильник.

Сергей ждал ее с нетерпением и трепетом сердца. Они встретились, когда солнечные лучи освещали, согревая все живое на земле: травы, стройные березы и разлапистые клены, вечнозеленые ели и сосны — всюду раздавались птичьи веселые голоса.

Ольга вышла из дома навстречу счастью. «Боже! Помоги мне удержать его любовь! Без него нет радости в этой жизни», — думала она, предвкушая встречу с мужчиной, который внезапно снова вошел в ее жизнь.

Сергей чувствовал угрызения совести: оставил любимую женщину без объяснений, не думая о том, что долгая разлука вызовет у нее обиду и недоумение, хуже того — охлаждение сердца и равнодушие. Так случилось, что обстоятельства оказались сильнее, он не имел возможности связаться с ней, предупредить о внезапном отъезде из города.

С Анной не получилось, так бывает, не сошлись ли характерами, разлюбил ли он, но жить вместе стало невозможно, хотя прожито немало; казалось, все должно устояться, но... одиночество вдвоем угнетало, лишало радости жизни. Разошлись давно, дети были подростками, не умеющими понять родителей. Сын и дочь затаили обиду на отца, которого любили, мать жалели.

— Мамочка, не удерживай его, пусть уходит,— сказала взволнованно дочь Оксана. Сын Миша молчал, не вмешивался.

— Ты не знаешь жизни, дочка. Он пропадет без нас,— плача сказала мать.

— Не пропадет! — закричала Оксана.— Не нужен он нам такой!

— Какой? — с обидой спросил Сергей.

— Чужой! Чужой!

— Оксана, перестань! — вмешался, наконец, Миша и подошел к отцу.

— Папа, ты уходи, но помни, мать обижать не дадим.

— Простите нас, дети! — сказал Сергей и вышел из дома.

Ольга... Как часто он думал о ней. Женщина — романтик, живет чувствами, не разумом; с ней хорошо, он любил в ней все (по-чеховски): и лицо, и одежду, и мысли. Непосредственная, открытая, ласковая, она притягивала своим взглядом, завораживала, но он трусливо медлил с предложением о совместной жизни, боялся возможных разочарований, как бывало в прошлом. Как сказать ей, что отказать в помощи своей семье он не мог. Анна тяжело больна, сын живет на Севере, работа на морфлоте трудная, дочь — в Италии, по контракту. Мать требует ухода, и дети обратились за помощью к отцу.

— Папа, помоги матери,— позвонил сын.

— Что случилось? — встревожился Сергей.

— Вероятно, ей недолго осталось.

— Так серьезно?

— Да. Два года, как мы бьемся за ее жизнь, но конец близок, она уходит от нас,— мрачно сказал Михаил.

— Не волнуйся, сын! Я поеду к ней!

— Спасибо. Я был уверен, что ты откликнешься.

4

Сергей тщательно собрался, закупив продукты, витамины и кое-какие лекарства, и на рассвете выехал в город Донской на своей машине. Когда-то там он был счастлив, потому что был молод и любил. Город встретил мелким дождиком, природа будто сопереживала его печали, поселившейся в сердце: уходила из жизни женщина, подарившая ему прекрасных детей. Он узнал этот дом, в котором более тридцати лет назад познал первую любовь, чистую и верную, как сама девушка, носившая прекрасное имя Анна. Аннушка, его любимая девочка, всегда оставалась в памяти, в дальнем уголке сердца, но жизнь распорядилась по-своему: они стали чужими. На звонок в дверь вышла женщина, очень худая, с темными кругами под глазами, щеки обвисли на желтом лице, и только глаза, по-прежнему большие, темные, выдавали ту Анну, которую он когда-то, в юности, полюбил страстно и нежно. Она узнала его, хотя он изменился за долгие годы, разлучившие их, но был все такой же стройный, красивый.

— Сережа, какими судьбами? Прошло столько лет!

— Сын позвонил, что тебе плохо.
— Спасибо, что приехал. Ну здравствуй! Не ждала...
— Здравствуй, родная! Рад тебя видеть,— тихо сказал Сергей.
— Какая радость! Сам видишь, какая я теперь стала, болезнь согнула.
— А мы ее прогоним! — сказал он, привлекая ее к себе.
— Ты надолго?
— Не волнуйся, поживу у тебя пока...
— Прости, я устала,— прилягу.
— Ничего, ничего. Пойду к машине, там у меня продукты... Приготовлю что-нибудь.

— Ко мне приходит Мария, соседка. Задержалась сегодня на работе.

Сергей вышел во двор, такой родной, знакомый до боли, душа разрывалась от печали: вот как бывает в жизни, кто виноват, что они с Анной разлучились навсегда. А теперь и не поправишь, она уходит, это очевидно. Слеза раскаяния неожиданно поползла по щеке, он взял сумку с продуктами, другую — с лекарствами и быстро пошел к квартире. Анна спала, потому что была слаба; сердце, измученное годами, еле-еле билось в ее худеньком теле. Волосы, уже поредевшие и довольно седые на висках, разметались на подушке. Сергей стоял у окна и думал о том, как сложилась печально их жизнь, сердце сжималось от горя. Он сделает все, чтобы ей в последние мгновения жизни было хорошо, ведь любили они когда-то и были счастливы. Анна очнулась часа через два, в это время он занимался на кухне обедом, тихо двигаясь, боясь нарушить ее внезапный сон: сварил борщ, приготовил жаркое, налил в чашки сок.

— Прости, я заснула так неожиданно, ночью бывает бессонница.

— Ничего страшного. Сон — это хорошо. А у меня готов обед.

— Узнаю прежнего Сергея: ты любил готовить пищу.

— Как же иначе, Аннушка? Я позабочусь о тебе.

— Спасибо, родной,— сказала Анна и закрыла глаза.

— Тебе плохо? — всполошился Сергей, подойдя к кровати.

— Нет, мне хорошо, потому что ты здесь, со мной.

Сергей взял ее руку и нежно стал целовать в синие жилки, потом в ладонку, приговаривая тихо: «Милая, прости меня! Знаю, что я виноват перед тобой, перед детьми...»

Анна лежала молча, только из глаз, когда-то больших и красивых, покатались непрошеные слезы. Он рядом, не забыл ее, помнит о былом счастье, возможно, жалеет. Вот и славно. Можно и умереть теперь.

Через месяц ее не стало. Она ушла на рассвете, когда занимался новый день, алая заря возвещала о том, как прекрасна жизнь с ее радостями и любовью. Сергей сидел возле уснувшей растерянный, поникший, с горьким чувством вины: ничего не изменить, не вернуть. Он понял, как любила его эта женщина, пронеся свою верность до конца. Сын не упрекал его, только обнял молча, дочь приехать не смогла. Сергей знал, что жить для детей он будет без нее, во имя памяти о ней, и еще он знал: отныне в этом городе будет нередким гостем, потому что здесь остается последнее прибежище той, которую он любил страстно и нежно. Последний аккорд прозвучал в тишине, возвещая о бренности жизни...

Ольга смотрела в синие глаза друга, как бы говоря с укором «Где же ты был? Я измаялась вся в разлуке...»

Сергей привлек ее к себе и сказал: «Я все тебе скажу, дорогая!» Он смотрел на нее с надеждой и любовью: эта женщина станет судьбой, заменит печальную утрату...

